

ТИНА ДЕРЖАВИНА

ТАЙНЫ
КАМЕННЫХ
ВОРОТ

18+

Тина Державина

Тайны каменных ворот

<https://litres.ru/74295849>

SelfPub; 2026

Аннотация

Камни помнят её имя. Она ещё не знает об этом.

Она пришла сюда за чертежами. Осталась — чтобы разгадать тайну, которая старше самого замка. Стены дышат, магия пульсирует в воздухе, а ночи полны теней, которые не должны существовать. Здесь всё связано с ней — и она чувствует это каждой клеткой.

Каждый ответ рождает новый вопрос. Каждый шаг приближает к пропасти. Но пути назад уже нет. И возможно, никогда не было.

Добро пожаловать в Каменные Ворота. Они ждали тебя веками.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	42
Глава 5	57
Глава 6	68
Глава 7	76
Глава 8	87
Глава 9	92

Тина Державина

Тайны каменных ворот

Глава 1

Скука расползается по залу, как холодный туман, и я уже пятый час сижу в этом помещении, высеченном из цельного камня. Вначале я разглядывала его лицо — архитектуру древнего народа: колонны — тонкие столбы изумрудного мрака, поддерживающие над головой скалу; узоры на ледяных стенах — точные, искусно вырезанные линии, словно застывшие заклинания. Я достала блокнот и стала зарисовывать всё до мельчайших деталей: высоченные колонны превращаются в дорогу к забытым мирам, на которых когда-то ходили духи этого места; орнаменты, будто письма ветра, шепчут на языке камня.

Серая пелена вокруг по-прежнему не меняется — она говорит о былой славе и праздности, будто отпечатки прошлого остались здесь навсегда, запечатанные в толще льда и пыли. Но запах сырости и холодный воздух миглом обнуляют желание задержаться дольше. В этом зале каждый шаг звенит как холодная монета, каждая тень мне подсказывает, что здесь не место для отдыха, а место боя за правду.

И всё же в глубине света, пробивающегося через трещины

в стенах, мерцают тонкие искры — словно руны, ожившие от прикосновения ветра. Возможно, именно они хранят секрет этого места: ключ к тем мирам, что лежат за гранями льда и камня. Я поднимаю взгляд, собираю все исчерченные листки и рисунки, и, будто собираясь на битву, закрываю блокнот. Мои заметки уходят в сумку, а ощущение холодного зова за- ла остаётся во мне — зов к следующему шагу, к разгадке, к возвращению сюда уже не как путнику, а как владельцу тайны.

Мои шаги выстукивали по каменному полу ровный, успокаивающий ритм. Круг. Замер. Ещё круг. Рулетка с тихим щелчком вылетала из пальцев, лента касалась холодного мрамора, и я, прищурившись, считывала цифры, которые тут же ложились на бумагу чёткими, почти каллиграфическими линиями. План помещения разрастался, обрастал точными расчётами, выверенными углами и масштабными сетками. Скалы древнего города — моя выпускная работа, мой билет в мир большой архитектуры. От меня ждали не просто эскизов, а полноценного проекта, с точной проектировкой, с визуализацией, от которой у членов комиссии перехватит дыхание.

Мы вчетвером, если не считать профессора, которого явно тяготила роль няньки. Маркус, геолог с вечно растрёпанными золотистыми волосами и мягкой, чуть застенчивой улыбкой. Лотар, археолог, настоящий медведь, накачанный и широкоплечий, с глазами цвета молодого мха. Мы с Ли-

рой — две выпускницы-архитектора, две подруги, которые делили одну комнату в общежитии, одни мечты и одни тайны. И профессор — мужчина лет тридцати пяти, статный, как древняя колонна, высокий и широкоплечий, с небрежной щетиной, придающей его мужественному лицу оттенок опасной привлекательности. Он не скрывал раздражения, но его взгляд, скользящий по Лире, говорил о том, что не всё в этой экспедиции для него в тягость.

Лира упорхнула с ним в свой зал — зарисовывать резьбу на сводах. Я усмехнулась про себя: уверена, они нашли занятие куда интереснее замеров. Пока их не было, я успела облазить каждый угол, каждый тёмный закоулок, каждый тайный проход. Я знала этот зал так, будто сама высекла его из скалы.

Теперь я сидела, прислонившись спиной к исполинской колонне, что уходила вверх, теряясь в полумраке. Холод камня пробирался сквозь куртку, но я не замечала его. Я смотрела на свои пальцы и позволила огоньку вырваться наружу. Маленький, непослушный шар сорвался с кончика пальца, описал в воздухе сияющую дугу, ударился о древний камень, рассыпался искрами и, словно верный пёс, прибежал обратно в ладонь. Я поймала его, сжала, и он затих, пульсируя в такт сердцу. Я потеряла счёт времени, и звонкий голос Лир, разнёсшийся эхом по залу, застал меня врасплох.

— Алетейя! — он отразился от стен, вернулся ко мне десятком голосов. — Скучала?

Я обернулась. Лира стояла в проёме арки, высокая, худощавая, её длинные ноги казались бесконечными в обтягивающем кожаном комбинезоне. Наряд, конечно, совершенно неподходящий для каменных руин, но кто я такая, чтобы указывать ей, как одеваться? Её чёрные, блестящие, как нефть, волосы растрепались, а на бледных щеках горел румянец — следствие не только утомительной работы, я была в этом уверена. Сзади неё, заслоняя собой свет, стоял профессор. Его глаза, тёмные и глубокие, остановились на мне, и голос, низкий, чуть хриплый, разрезал тишину:

— Возвращаемся в отель.

Лира закусила губу, пряча улыбку. Я поднялась, стряхивая невидимую пыль, и, проходя мимо неё, шепнула едва слышно:

— Ну вы то точно не скучали.

Она фыркнула, но ничего не ответила. Всю обратную дорогу, пока мы спускались по извилистой тропинке, ведущей от скал к одинокому зданию отеля, мы болтали без умолку. Лира сыпала терминами, описывая резьбу, я делилась своими расчётами. Но я знала: настоящий рассказ о том, что произошло в их зале, ждёт меня в нашей комнате, когда мы останемся вдвоём.

Отель встречал нас запахом затхлости. Старенькое здание, переходящее из поколения в поколение, как с гордостью сообщила хозяйка, давило на сознание. Тёмный холл, скрипучие половицы, тусклый свет — находиться здесь ещё

несколько дней казалось настоящим испытанием. Я не понимала, что держит этих людей в таком месте, среди мрака и вечной сырости.

В холле, развалившись на старых креслах, сидели Маркус и Лотар. Увидев их, я замерла. Маркус, всегда такой улыбчивый и тёплый, был бледен, как полотно. Его золотистые волосы намокли и прилипли к острому, осунувшемуся лицу, а губы приобрели синюшный оттенок. Лотар, напротив, казался зелёным, немногим светлее своих изумрудных глаз. Его мощная фигура, обычно излучающая уверенность, сейчас была ссутулена, и в ней читалась неприкрытая слабость.

— Вернулись значит, — пробубнил Маркус, даже не подняв головы. — Когда мы уезжаем? Здесь невозможно находиться.

— Проклятое место, — поддержал его Лотар, проведя ладонью по лицу. — Голова раскалывается.

— Ещё пару дней, — отрезал профессор, и его голос прозвучал как удар хлыста. — Вы не закончили работу. Соберитесь и сделайте всё как надо.

Он бросил короткий взгляд на Лиру, и она, не выдержав его тяжелого, испытующего взгляда, мгновенно порозовела. Я не осуждала её. Он был ходячим феромоном, и осознание этого факта лишь добавляло масла в огонь моих собственных, тщательно скрываемых мыслей.

— Ужин через час, — объявила хозяйка, и мы разошлись по комнатам.

Наша комната оказалась тесной и убогой. Старые светлые обои, кое-где отклеившиеся и пожелтевшие, две узкие кровати по углам, скрипучие половицы под ногами. На стуле висела одежда Леры — она с самого утра наряжалась, стараясь свести профессора с ума. Хотя ей не нужно было стараться: её острое, аристократичное лицо, небесно-голубые глаза и чёрные как смоль волосы делали её неотразимой без всяких усилий. Хрупкая, изящная, она была воплощением той красоты, перед которой невозможно устоять.

Пока Лера, сидя на кровати, расчёсывала влажные волосы и взахлёб рассказывала о том, как они изучали второй зал, я смотрела на себя в тусклое зеркало напротив. Каждый раз, глядя на своё отражение, я чувствовала странную отстранённость. Высокая — выше всех моих знакомых, выше даже профессора, который рядом с Лерой казался великаном, но рядом со мной... я была выше. Короткие светлые кудрявые волосы, едва достающие до мочек ушей, подчёркивали длинную шею. Большие серые глаза, слишком бледные на фоне почти прозрачной кожи, впалые скулы и пухлые губы. Я не была уродливой, но эталоном красоты меня никто никогда не называл. Мужчины не стояли в очереди, чтобы пригласить меня на прогулку, и я давно с этим смирилась.

Я натянула льняные брюки и белую рубашку, готовясь спуститься на ужин.

— Ты видела ребят? — спросила Лера, обеспокоенно хмура брови. — Они были сами не свои. Интересно, что с

ними случилось в пещерах.

— Может, замерзли? — я сощурилась и помахала кончиками пальцев, выпуская из них тонкие языки пламени. Огоньки заплясали, как свечи, осветив моё лицо золотистым светом.

— Опять твои фокусы, — она закатила глаза и туго стянула волосы в пучок.

Мы прожили вместе пять лет, и она знала все мои секреты. Все мои способности. Но она никогда никому не рассказывала, и я не знала, было ли это частью моих чар или же ей самой было выгодно хранить молчание. Ведь от моей магии она получала сплошные выгоды: удачно сданные экзамены, проекты, которые я могла создать одним движением руки, шепотом заговорив успех на защите.

Таких, как я, называют ведьмами. Таких, как я, раньше сжигали на кострах. Моя мать была могущественной женщиной, держала школу для таких же, как мы, учила нас обуздывать стихии и владеть энергией. Каждая из нас владеет огнём, умеет варить зелья и читать заклинания. Некоторые сильнее — у них телекинез, телепатия, целительство. А мой дар — видеть ложь и скрытую магию. Я никогда не считала это чем-то выдающимся. Вот мать... она была по-настоящему великой. И её исчезновение до сих пор оставляло в моей душе кровоточащую рану. С каждым годом в голове возникало всё больше вопросов, на которые не находилось ответов.

— Ну что, как я выгляжу? — Лира покружилась, давая мне оценить свой образ. Светло-голубое прозрачное платье, сквозь которое угадывалось кружевное бельё, делало её похожей на лесную нимфу.

— С таким же успехом ты могла выйти голой, — усмехнулась я. — Пошли.

Ужин оказался отвратительным: пресное жаркое и ещё более пресный пирог с водорослями. Маркус и Лотар уже выглядели лучше, но я заметила, что они всё ещё бледны. Их присутствие здесь имело смысл: эти земли были почти не изучены, и их работа, несомненно, принесёт им признание. Каждое бюро мечтало бы заполучить таких специалистов.

Утром я не застала Лиру в комнате. Должно быть, она выскользнула ещё ночью — в комнату профессора. Я быстро оделась: чёрная водолазка, обтягивающие брюки, кожаная куртка. Бросила в сумку блокнот, бумагу, камеру, батончики. Я была готова к исследованию следующего зала.

Завтрак я провела в одиночестве. Лира с профессором ворковали у витражного окна, парни оживлённо обсуждали следующую локацию. По этажу разносился аромат свежесваренного кофе, но запеканка на столе была такой же пресной, как и вчерашний ужин.

Дорога до скал тянулась бесконечно. Это было древнее место, и когда мы выбирали тему для выпускного проекта, мысль о нём пришла сама собой. Завораживающие ландшафты, величественные горы, каменные выступы, в которых

был высечен замок — это было произведением искусства. Внизу океан разбивал подножие скалы, угрожая рёвом, но я ощущала лишь умиротворение. Солнечные лучи ласкали лицо, ветер играл с волосами. Я смотрела на колонны, на орнаменты, на искусную резьбу и понимала: это могли сделать только ведьмы. Только магия способна создать такое.

Сегодня я зарисовывала тронный зал. Он был в несколько раз больше вчерашнего. В центре высился каменный трон, обрамлённый фигурами неведомых существ с расправленными крыльями. Казалось, что камень просвечивается под лучами солнца, пробивающимися сквозь узкие проёмы. Колонны уходили вверх, подпирая небесный свод.

— Кто придумал это... чёртвов гений, — прошептала я, и мой голос отразился от стен, вернувшись ко мне странным эхом, словно кто-то выдохнул мои же слова прямо в ухо.

Я сделала расчеты, перенесла их на чертёж. Стены манили. Я дотронулась кончиками пальцев до каменной глади, и она отозвалась приятным холодом, слегка покалывая. В глазах зарябило, и я заметила едва уловимое свечение — голубоватое, мерцающее, как далёкая звезда.

Внутренности сжались. Я пошла на зов. Стены шептали, уводили меня вглубь, и я, заморожённая, обводила пальцами орнаменты, не замечая, как погружаюсь всё дальше. Я не заметила, как оказалась в тесной комнате, где меня окружал голубоватый камень. Его поверхность рябила, переливалась, дышала.

— Идея так себе, — прошептала я, приложив ладони к камню.

И провалилась в темноту.

Глава 2

В ушах звенело, голова кружилась, глаза слепил внезапный свет. Я моргнула, пытаюсь прийти в себя. Наверное, так же чувствовали себя Маркус и Лотар. Теперь я понимала их состояние — это было нечто большее, чем просто усталость.

Я была в том же зале, но в другом. Живом. Каменные стены украшали орнаменты, но вместо холодного серого камня — белый, тёплый, почти живой. Я подняла голову и увидела бескрайнее звёздное небо, а помещение освещали тысячи свечей, парящих в воздухе. Повсюду — белый бархат, алые цветы, лёгкий цветочный аромат, от которого кружилась голова. Мир казался нереальным: цвета ярче, звуки чище, воздух невесомым. И музыка — тягучая, прекрасная, обволакивающая.

Я обошла колонну. Тронный зал был наполнен жизнью. Люди — высокие, статные, словно выточенные из того же камня, что и эти стены. Я не казалась среди них великаном — наоборот. Мужчины в строгих костюмах всех оттенков, женщины, от которых невозможно отвести взгляд: высокие, стройные, с живыми, светящимися глазами.

Я задержала взгляд на группе молодых девушек в платьях цвета морских волн — от голубого до тёмно-синего. Их украшения, тонкие цепочки с драгоценными камнями, мерцали в свете свечей. На одной из них, высокой и стройной,

с гордой осанкой, красовалась диадема с бриллиантовыми каплями, спадающими на лоб. И тогда я заметила самое удивительное: их глаза светились. Мягким, внутренним светом, словно в каждой из них горел тот самый огонь, который я привыкла прятать в ладони.

Я сделала шаг вперёд, и мир вокруг меня качнулся.

Я вздрогнула. Холодная, как зимний ручей, ладонь легла на моё плечо, и по спине пробежал табун мурашек. Резкий контраст с тёплым, почти живым камнем, который я касалась мгновение назад. Я обернулась, и мир перестал кружиться.

— Леди? Вы в порядке? — тихий, вкрадчивый голос вывел меня из транса, разрушил чары, и я моргнула, возвращаясь в реальность. Только вот в какую?

Я судорожно сглотнула, пытаюсь собрать мысли в единую, стройную линию. Нужно выкручиваться. Быстро.

— Всё хорошо, — услышала я свой голос, и он показался чужим, слишком спокойным для того хаоса, что бушевал внутри. — Я люблю быть наблюдателем. Смотреть со стороны...

Наглая ложь. Наглая, прозрачная, как тот бокал в руке незнакомца. Я не знаю, где я. Я не знаю, что здесь происходит. Но я знаю одно: если я сейчас побегу или разрыдаюсь, будет только хуже. Я заставила себя улыбнуться, и уголки губ дрогнули в подобии дружелюбной вежливости.

— Представитесь? — я проморгалась, фокусируя взгляд на человеке напротив, и он проступил из золотистого сияния свечей, как картина из тумана.

Тёмноволосый. Молодой. Опасный, как утёс в шторм — с первого взгляда чувствуется скрытая мощь. Его волосы, длинные, до плеч, были аккуратно убраны за уши, открывая волевое, точеное лицо с высокими скулами и тёмными глазами, в которых отражался свет тысяч парящих свечей. Он был облачён в синий костюм, переливающийся серебристыми вставками — ткань струилась при каждом движении, словно вода. В руке он держал хрустальный бокал с жидкостью, которая мерцала и переливалась всеми оттенками ночного неба.

— Мне кажется, я вас раньше здесь не видел, — его голос был глубоким, обволакивающим, словно бархат, которым были задрапированы стены. От него веяло спокойствием и уверенностью, и это пугало больше, чем если бы он кричал.

— Я... я архитектор, — выдавила я, и слова понеслись вскачь, перегоняя друг друга. — Меня зовут Алетейя. Меня пригласили... для проектировки. Вот, наблюдаю со стороны, чтобы прочувствовать атмосферу места, — я говорила и сама не верила ни единому своему слову. Я изо всех сил пыталась казаться деловой, компетентной, человеком, который знает, зачем он здесь. Архитекторы есть везде — надо лишь надеяться, что эта легенда не развалится в прах при первом

же вопросе.

— Вот как, — мужчина задумчиво склонил голову, рассматривая меня с непроницаемым выражением. Его глаза скользнули по моему лицу, по одежде — и я внезапно остро осознала, как сильно выделяюсь в этом мире. Кожаная куртка, обтягивающие брюки, грубые ботинки. Я была чужой, и он это видел.

Но он ничего не сказал. Вместо этого он развернулся, легко, словно танцор, перехватил с подноса проходившей мимо девушки ещё один бокал и протянул его мне. Хрусталь коснулся моих пальцев, и я ощутила холод, идущий от стекла, и странное тепло — от самой жидкости.

— Должно быть, вы устали с дороги, — произнёс он мягко, и в голосе послышались нотки, не терпящие возражений. — Вам нужно отдохнуть. Я распорядусь, чтобы вам подготовили комнату. Вас пригласят, как только всё устроят. А на завтра отложим все рабочие вопросы.

Я открыла рот, чтобы задать вопрос — тысяча вопросов вертелась на языке, — но он опередил меня.

— Я Хартвин, — представился он, и его имя прозвучало как аккорд, заставивший воздух вокруг дрогнуть. — Лорд Каменных Ворот. Мне пора.

Он слегка кивнул — жест, полный достоинства и отстранённой вежливости — и растворился в толпе, оставив меня с бокалом в руках и с бешено колотящимся сердцем.

Я медленно выдохнула. Дышать было трудно, воздух ка-

зался слишком сладким, слишком густым. Я огляделась: гости смеялись, танцевали, их лица светились восторгом. Никто не смотрел на меня. Я была никем, тенью, случайно проскользнувшей в этот блистательный сон.

— Леди, — раздался рядом тонкий, почти детский голосок.

Я обернулась и увидела совсем юную девушку — тонкую, как тростинка, с большими глазами цвета лесного ореха и светлыми волосами, заплетёнными в длинную косу. Она стояла, сложив руки на груди, и смотрела на меня с благоговейным трепетом.

— Следуйте за мной, всё готово, — произнесла она и, не дожидаясь ответа, двинулась вперёд.

Я пошла за ней, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом. Мы прошли несколько каменных пролётов — широких, украшенных витиеватой резьбой, которая мерцала в свете факелов. А потом моему взору открылся мост. Каменный, узкий, парящий над бездной. Он вёл к другой части замка, вознесённой к самому небу — к вершине, где, казалось, обитают только ветры и звёзды.

Я глядела по сторонам и видела лишь бескрайнее тёмное небо — безлунное, но усеянное огромными, пульсирующими звёздами, — и океан внизу. Он с рёвом врзался в скалы, вздымая фонтаны солёных брызг, и его голос, низкий и угрожающий, разносился по всему замку, вплетаясь в музыкальную симфонию, доносившуюся из тронного зала. Ветер

проносился мимо, вихрем обходил нас, и я на мгновение за-
жмурилась, чувствуя, как он играет с моими короткими куд-
рями, как касается щёк ледяными пальцами.

Мы подошли к другой части замка — и она показалась
мне пустой и безжизненной, как мавзолей. Здесь не было му-
зыки, не было света свечей, только тишина и прохлада. На-
верное, здесь случайным образом и требуется моя работа —
архитектурный проект, который я вынуждена придумать на
ходу. Как удачно. Как нелепо.

Я ступила за порог, и воздух здесь был другим — су-
хим, плотным, пахло камнем и древностью. Меня привели
в комнату. Просторную, высеченную из светлого камня цве-
та слоновой кости, стены которой были гладкими, тёплыми
на ощупь, словно они были живыми и дышали в такт моему
сердцу. Пол устлали множество цветных ковров — алых,
синих, зелёных, с затейливыми узорами, в которых я пыта-
лась угадать смысл, но не могла. Посередине, словно алтарь,
стояла огромная кровать, укрытая белоснежными простыня-
ми.

— Ванная комната слева, — девушка кивнула в сторону
узкого прохода. — Здесь есть всё необходимое: вещи, сред-
ства гигиены. Ванну вам набрали. Если что-то будет нужно
— позовите меня.

Она откланялась — коротко, почтительно — и вышла, за-
крыв за собой огромную деревянную дверь. Та, несмотря на
свои исполинские размеры, закрылась абсолютно беззвучно,

как если бы её смазывала сама тишина.

Я осталась одна. В комнате. В другом мире.

Я огляделась, медленно прошлась по коврам, ощущая под ногами их мягкую, ворсистую поверхность. Подошла к окнам — они были высечены прямо в камне, без стёкол, и через них вливался прохладный ветерок, принося солёный запах океана и шум далёкого прибоя. Но странно: в комнате сохранялась приятная теплота, несмотря на открытое пространство и каменные стены. Будто сам камень излучал мягкое, уютное тепло.

— Как же любопытно... — прошептала я, и голос мой, даже тихий, отразился от стен, возвращаясь ко мне искажённым эхом.

Я говорила сама с собой, расхаживая кругами по комнате, пытаюсь уложить в голове всё, что произошло за последние, кажется, полчаса. Я попала в какое-то параллельное пространство. Вероятнее всего, выход там же, где вход. В тронном зале. Но сейчас там полно людей, танцующих, смеющихся, наслаждающихся жизнью, и я не могу просто так пройти туда и приняться общупывать стены — я сразу же привлеку к себе внимание, и тогда мне не поздоровится.

Так что единственный вариант — вести себя тихо. Принять правила игры. Осмотреться, узнать расписание, привыкнуть к жизни этого места. А когда хоть что-то станет понятно, можно будет искать путь домой.

Я вздохнула, села на край кровати, и пружины едва слыш-

но скрипнули. Я сжала пальцы в кулак и почувствовала, как огонёк внутри меня пульсирует, готовый в любой момент вырваться наружу. Магия здесь была везде. Она пронизывала камни, воздух, даже воду, что, наверное, стояла в кувшине на туалетном столике. Моя магия здесь была... сильнее. Она ощущалась по-другому — глубже, мощнее.

Ну а пока, решила я, вставая, будем получать новый опыт и изучать местную магию. А заодно — не сходить с ума от страха и неизвестности. Я могла устроить истерику, могла биться головой о каменные стены, могла рыдать и проклинать всё на свете. А могла принять решение холодной головой. Второе мне нравилось куда больше.

Я кивнула своим мыслям, словно заключая с ними договор, и направилась в ванную. Не зря же её приготовили.

Ванная комната оказалась восхитительной. Это не было просто помещение — это было произведение искусства. Стена, уходящая вверх, держалась на двух изящных колоннах, увитых серебристым плющом, который, казалось, рос прямо из камня. Посреди стояла огромная чаша — не ванна, а настоящий бассейн, высеченный из цельного куска тёмного мрамора, испещрённого золотистыми прожилками. Вода в ней была тёплой, пахла травами и морской солью, и тысячи крошечных пузырьков, отражая свет звёзд, делали её похожей на жидкий бриллиант.

Напротив висело длинное зеркало в тяжёлой бронзовой оправе, а под ним — умывальник с множеством стеклянных

баночек, в которых переливались разные цвета: синий, зелёный, янтарный.

Я не думая стянула с себя одежду. Кожаную куртку, водолазку, брюки — всё упало на пол, и я, не оглядываясь на этот бедлам, шагнула в чашу. Вода приняла меня в свои объятия, тёплая и мягкая, как шёлк. Я погрузилась по плечи, откинула голову назад и уставилась на звёзды, которые мерцали сквозь открытый проём в потолке.

— У них есть система канализации, — усмехнулась я вслух, чувствуя, как вода успокаивает и смывает напряжение. — Уже неплохо.

Я глубоко вздохнула, набрала в лёгкие воздух, и, задержав дыхание, нырнула с головой. Под водой было тихо. Только биение моего сердца — глухое, ровное — отдавалось в ушах. Я закрыла глаза и позволила себе на мгновение забыть, где я. Забыть про каменные стены, про Хартвина, про океан, который ревёт внизу. Просто быть. Просто существовать.

Когда я вынырнула, вода стекла с волос, и я провела ладонью по лицу. В зеркале напротив отразилась я — чужая и одновременно знакомая. Мокрые светлые кудряшки прилипли к вискам, глаза казались огромными и слишком яркими на фоне бледной кожи, на скулах горел румянец. Я выглядела... живой. Возбуждённой. И в глубине души, где-то очень глубоко, я поняла: мне страшно, но мне и интересно. Этот мир, этот замок, этот загадочный лорд с глазами цвета ночи — они манили меня. И я была готова принять этот вызов.

Я вылезла из воды, закуталась в мягкое полотенце, которое оставили на краю чаши, и, проходя мимо столика, задержалась перед баночками. Стекло было тёплым на ощупь. Я открыла одну из них, понюхала — пахло розами и чем-то пряным, древесным. Местная косметика. Я улыбнулась своим мыслям и, нанеся немного крема на лицо, почувствовала, как он тает на коже, делая её бархатистой.

И в этот момент я услышала звук. Тихий, почти неуловимый — словно кто-то поскрёбся в дверь. Я замерла, прислушиваясь. Сердце снова забилось быстрее.

— Кто там? — спросила я, и голос мой прозвучал громче, чем я хотела.

В ответ — тишина. Только ветер завывал за окнами и океан вдалеке бился о скалы.

Я взяла с кровати одежду, которую мне оставили — длинную сорочку из тонкого белого шелка, невесомую, почти прозрачную — и натянула её на себя. Одежда была мягкой и пахла цветами. Я чувствовала себя в ней почти как дома.

Но я знала: это не дом. И путь домой будет долгим.

Я легла на кровать, и простыни обняли меня мягкой прохладой. Звёзды за окном перемигивались, словно подмигивая мне. Я смотрела на них и думала о Лире. Интересно, заметила ли она моё исчезновение? Ищет ли меня? Или уже утешается в объятиях профессора, не обращая внимания на пустое место рядом?

Я закрыла глаза, и темнота сомкнулась надо мной. Но сон

не шёл. В голове крутились образы: сияющие глаза, струящийся бархат, каменный мост над бездной и голос Хартвина, произносящий: «Леди, вы в порядке?»

Нет. Я была не в порядке. Я была в хаосе. И это было началом самого странного приключения в моей жизни.

Глава 3

Я не заметила, как погрузилась в глубокий сон. Сознание отключилось мгновенно, словно кто-то щёлкнул пальцами, и я провалилась в тёплую, бархатную темноту, где не было ни снов, ни мыслей, ни страхов. Только тишина и покой.

Разбудил меня мягкий, почти робкий стук в дверь. Я открыла глаза, и мир вокруг медленно обретал чёткость.

— Леди, — раздался знакомый, тонкий голосок. — Вас ожидает лорд Хартвин на завтраке. Я помогу вам собраться.

Я приподнялась на локтях, стряхивая остатки сна, и потянулась, чувствуя, как каждая мышца отзывается приятной истомой. Воздух был свежим и прохладным, пахло морем и травами .

В комнату бесшумно скользнула вчерашняя служанка. В утреннем свете она выглядела ещё более юной и хрупкой, её светлые волосы по прежнему были аккуратно заплетены в тугую косу, а большие глаза цвета смотрели на меня с почтительной робостью.

— Как тебя зовут? — спросила я, садясь в кровати и поправляя сползшую с плеча сорочку.— Я Мия, леди, — она слегка поклонилась, и в её голосе послышалась лёгкая дрожь — то ли от робости, то ли от благоговения. — Ванная готова. Я подготовила вам одежду для завтрака.

Я кивнула, поднялась и направилась в ванную. Утренняя

вода была такой же тёплой и душистой, как и вчерашняя, и я позволила себе несколько минут неги, погружаясь в пузырьки и наблюдая, как солнечный свет, проникая через открытый проём в потолке, играет на поверхности воды, разбиваясь на сотни крошечных радуг.

Когда я вернулась, Мия уже ждала меня, держа в руках одежду. Было странно позволять кому-то одевать себя — я всегда была самостоятельной, привыкла полагаться только на себя. Но здесь, в этом мире, правила были другими, и я решила им следовать, хотя бы пока.

Платье было чёрным, как ночное небо, лёгким и струящимся, но при этом плотно облегало фигуру, словно вторая кожа. Оно скрывало руки, закрывало шею до самого подбородка, и выглядело строго, почти аскетично — но в этой строгости была своя, сдержанная красота. В нём я не выглядела лесной нимфой, как местные леди, но чувствовала себя увереннее.

Мия заколола мои светлые пряди так, чтобы они не падали на лицо, открывая высокий лоб и скулы. Затем она взяла маленькую баночку с перламутровой пудрой и принялась наносить лёгкий макияж. Я смотрела в зеркало, не веря своим глазам. Моё лицо становилось фарфоровым, с легким холодным румянцем на скулах, а на веках заискрились светлые, почти прозрачные блёстки. И вдруг я заметила: мои глаза светятся. Так же, как у тех женщин в тронном зале. Не просто серые — они были двумя ледяными фонарями, холод-

ными и пронзительными, и этот свет выдавал меня. Я была одной из них.

— Вы прекрасны, леди, — тихо сказала Мия, и в её голосе прозвучало искреннее восхищение. — Лорд Хартвин будет впечатлён.

Я ничего не ответила. Просто кивнула, принимая комплимент, и двинулась за ней.

Столовая оказалась просторным залом, где камень уступал место дереву и серебру. Длинный стол, покрытый белоснежной скатертью, был уставлен хрустальными и серебряными приборами, а в центре возвышалась ваза с огромными алыми цветами, от которых исходил пряный, дурманящий аромат. За столом уже сидел лорд Хартвин. В утреннем свете он выглядел иначе — менее таинственным, более человеческим, но от его присутствия всё равно веяло силой и властью.

— Как вы отдохнули? — спросил он, поднимаясь и жестом приглашая меня сесть. Его голос был таким же глубоким и обволакивающим, как и вчера. Я опустилась на стул, и мягкая обивка приняла меня в свои объятия.

— Мы не ожидали увидеть вас так скоро, — продолжил он, и я насторожилась. — Дело в том, что мы планировали реконструкцию северной части замка несколько позже, после встречи с королём — примерно через месяц. Их свадьба готовится к весне, к этому времени всё должно быть готово. Но раз вы прибыли раньше... — он сделал глоток из бокала, и его глаза встретились с моими. — Мы рады принять вас

как гостью. У вас будет больше времени на подготовку и... все остальное .

Я впитывала каждое слово, раскладывая информацию по полочкам. Северная часть. Реконструкция. Свадьба короля. Всё это было мне на руку. Я могла использовать это время, чтобы изучить замок, найти выход и не вызывать подозрений.

— Разумеется, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно и уверенно. — Я благодарна за ваше гостеприимство. — Я последовала его примеру и отпила из бокала, стоящего передо мной. Жидкость была лёгкой и фруктовой, с едва уловимым травяным привкусом, она согревала изнутри и успокаивала.

— Какого результата вы ожидаете? — спросила я, ставя бокал на стол. — Что для вас важно? Мне нужно понимать. Для дальнейшей работы.

Лорд Хартвин принялся за завтрак, медленно и аристократично орудуя серебряными приборами. Его движения были выверенными, почти церемонными, и я ловила себя на том, что невольно копирую их.

— Мы ожидаем единой стилистики с южной частью, — произнёс он, разрезая нежный омлет. — Всё должно быть единой симфонией, высеченной из камня. Красиво и практично. Вы можете изучить южную часть столько, сколько потребуется, и спроектировать по подобию комнаты, залы и удобное перемещение для работников замка.

Я слушала и кивала, одновременно приступая к завтраку. Стол был уставлен серебряными блюдами, в которых красовались разноцветные десерты и ароматные блюда. Омлет, который я попробовала, был невероятным — воздушным, тающим на языке, с пряностями и сыром, которые взрывались на вкусовых рецепторах. Я ела кусочек за кусочком, стараюсь перенимать движения лорда. Казаться своей. Не ударить в грязь лицом.

И вдруг он сказал:

— В самом деле, мы представляли вас иначе.

Я напряглась. Моя вилка замерла в воздухе.

— Мы не думали, что к нам отправят юную леди, — продолжил он, и его тёмные глаза внимательно изучали моё лицо. — Архитектура — древнее искусство, и мы привыкли видеть... — он усмехнулся, и в этой усмешке не было насмешки, только лёгкое удивление — старых самодовольных мужчин.

Я чуть не выплюнула напиток обратно в бокал. Но сдержалась, проглотила и, сделав глубокий вдох, выдавила из себя:

— Времена меняются.

— Безусловно, — он слегка склонил голову. — Не хотел вас оскорбить. Мы ценим здесь умных женщин.

Завтрак прошёл в непринуждённой беседе. Мы говорили о погоде, о видах на океан, о древней истории замка — он рассказывал, я слушала, впитывая каждое слово. Он был очаровательным собеседником: умным, внимательным,

с тонким чувством юмора. И я поймала себя на том, что начинаю забывать, что я здесь — пленница, что я должна искать выход. Я просто наслаждалась мгновением.

— Вечером прибудет король, — сказал Хартвин, откладывая салфетку. — Мы будем рады видеть вас на приеме.

Он поднялся, и его высокая фигура на мгновение заслонила свет.

— Благодарю вас за прекрасное утро, леди.

Он поклонился — легко, но изящно — и вышел, оставив меня наедине с мыслями.

Я доедала завтрак, и в голове крутились тысячи вопросов. О замке, о предстоящей работе, о том, почему ко мне не было вопросов. Неужели все гости замка приезжают налегке, без личных вещей, без багажа? Почему мне так легко поверили, почему никого не смутил мой внешний вид, моя одежда, мои манеры? Почему не было вопросов о моей личности и о моей работе? С другой стороны, я была очень рада, что все мои зарисовки этого места из моего мира не оказались со мной — иначе вопросы бы возникли точно.

Я отодвинула тарелку и поднялась. Решение пришло мгновенно: я должна изучить замок. Понять его структуру, его дыхание, его тайны. Только так я смогу найти выход.

И я пошла.

Залы сменяли один другой, и все они были похожи — и одновременно разные. Величественные каменные коридоры, лабиринты, в которых легко было заблудиться. Один пово-

рот вёл в огромный зал для приёмов, другой — в узкую галерею с витражными окнами, третий — в библиотеку, где книги, казалось, дышали вековой мудростью. Через несколько пролётов меня ждали единичные комнаты с приставленной к ним стражей — суровые мужчины в доспехах, которые лишь провожали меня взглядом, но не останавливали.

Здесь было легко заблудиться, но это место как будто само вело меня. Стены шептали, указывая правильный путь, и я подчинялась их зову, шагая по коридорам, которые сами открывались передо мной. Несмотря на то, что всё было из камня, пространство не давило. Всё было гениально продумано: множественные колонны держали своды, давая воздуху свободно циркулировать. Где-то я даже нашла стеклянные вставки, усыпанные мелкими блёстками, которые преломляли свет и заполняли пространство отражающимися лучами, создавая иллюзию танцующих огней. Это выглядело грандиозно и величественно, и я чувствовала себя муравьём, бредущим по королевству гигантов.

Я поглощала увиденное, запоминая каждую деталь, каждый поворот, каждую резную колонну. Я не заметила, как время пролетело, как солнечный свет начал уступать место тёплому закатному сиянию. И когда я очнулась от своих размышлений, я стояла перед дверью своей комнаты.

Вернувшись, я попросила у Мии бумагу и карандаш.
— Мне нужно зарисовать увиденное, — сказала я, и она, не задавая вопросов, тут же принесла мне стопку плотной

бумаги и несколько грифельных карандашей.

Я села за небольшой стол у окна и принялась за работу. Час за часом я переносила на бумагу то, что видела: расположение залов, изгибы коридоров, места пересечений, колонны, арки, лестницы. План разрастался, обрастал линиями и отметками, и я чувствовала, как успокаиваюсь, как хаос в голове уступает место порядку.

Закатное солнце ласково касалось моей кожи, золотя короткие светлые пряди, и я, подняв взгляд на мгновение, увидела, как небо за окном превращается в багряный океан, воздух наполнялся прохладой. Внизу, где-то далеко, снова заревел океан, и его голос, смешанный с шепотом ветра, казался мне теперь не угрозой, а приглашением.

Я опустила карандаш и посмотрела на готовый чертёж. Он был неполным, но это было начало. Отправная точка.

Я развернулась от окна, и взгляд мой упал на кровать. Там, на белоснежном покрывале, лежала серебристая коробка — мерцающая, переливающаяся в мягком свете комнаты. Рядом с ней покоилась записка, сложенная вдвое, и я, подойдя ближе, взяла её в руки. Бумага была плотной, а почерк — широкий, размашистый, уверенный — принадлежал тому, кто не привык просить, только приглашать.

«Не окажете ли честь явиться на приём.

Лорд Хартвин»

Я провела пальцами по буквам, чувствуя подушечками лёгкую шероховатость чернил. Сердце пропустило удар —

то ли от волнения, то ли от предвкушения. Я открыла коробку, и внутри меня ожидало платье.

Оно было невероятным. Серебряные нити струились по ткани, как паутина, сотканная из лунного света. В области груди они сплетались гуще, открывая декольте и оставляя спину почти обнажённой — смелый, дерзкий покрой, который я бы никогда не выбрала сама. Ткань струилась до самого пола, мягко обтекая мои ноги, и я чувствовала себя в нём не собой, а кем-то большим. Кем-то, кто принадлежит этому месту.

Туфли — серебристые, на высоком, тонком каблуке — заставляли мои икры красиво напрягаться, а длинные серьги из бриллиантовой цепочки касались обнажённых плеч, холодя кожу при каждом движении.

Мия помогла мне собраться. Её пальцы были лёгкими и умелыми, и через полчаса мой образ был завершён. Она собрала мои светлые волосы наверх, открывая длинную шею и линии скул, сделала кожу матово-белой, словно я была высечена из того же камня, что и эти стены. Когда она закончила и посмотрела на меня со стороны, из неё вышел воздух — долгий, восхищённый выдох.

— Вы выглядите потрясающе, леди, — прошептала она, и в её голосе не было лести, только искренность.

Я улыбнулась ей в ответ, но внутри всё сжалось. Я спустилась в тронный зал, и каждый шаг отдавался в груди глухим эхом.

Зал был полон. Люди смеялись, напитки лились рекой, свет свечей отражался от драгоценностей и струящихся тканей. Всё это было прекрасным — и одновременно чужим. Я стояла посреди всего этого великолепия, чувствуя себя песчинкой в океане, и вдруг поняла, как мне одиноко. Я была совсем одна в чужом мире, в мире, где должна притворяться своей, не выдать себя ни взглядом, ни жестом.

И в этот момент ко мне подошла она.

Я заметила её раньше, чем она приблизилась — рыжие волосы, длинные, прямые, спадали почти до колен, переливаясь в свете свечей как расплавленная медь. Её фигура была женственной, гибкой, а пыльно-розовое платье, почти прозрачное, струилось по телу, украшенное золотыми цепочками, которые оплетали плечи и талию. Одна цепочка спускалась от шеи между груди вниз, теряясь в глубине ткани. На каждом пальце её тонких рук было по золотому кольцу, и от её вида захватывало дух.

Если я казалась льдинкой, то она была жемчужиной, переливающейся в мягком свете зала. На её пухлых губах играла улыбка, когда она заметила, как я изучаю её. Но самое удивительное — её глаза. Зелёные, светящиеся, как два изумрудных алмаза, они казались ещё ярче на фоне её бледной, почти фарфоровой кожи.

— Прошу прощения? — я выдохнула, понимая, что молча уставилась на неё.

— Вы здесь впервые, верно? — её голос был мягким, с

лёгкой хрипотцой, и в нём слышалась искренняя доброжелательность. — Я леди Марета. Похоже, у вас здесь нет друзей, так же как у меня. Так что буду рада составить вам компанию.

— Благодарю, — я улыбнулась ей в ответ, и эта улыбка была настоящей. Компания действительно не помешала бы.

Она взяла меня под руку — легко, непринуждённо, словно мы знали друг друга целую вечность — и повела вдоль зала. От прикосновения её кожи к моей по руке пробежал лёгкий электрический разряд, и я поняла: в ней тоже есть магия.

— Введу вас в курс дела, — продолжила она, оглядывая толпу с лёгким презрением. — Мы здесь собрались по случаю помолвки короля Дэмиена и принцессы Калисты. Они встретятся прямо здесь через пару дней впервые. Двор Каменных Ворот принимает их. Король прибудет с минуты на минуту, и лицемерия в этом зале станет ещё больше.

— Почему именно двор Каменных Ворот? — спросила я, пытаясь удержать в голове все эти имена и титулы.

Марета выгнула бровь, и в её взгляде мелькнуло удивление.

— Как главное место силы, — сказала она, чуть понизив голос. — Концентрация магии. Чтобы скрепить этот союз навечно.

Она продолжала рассказывать мне о придворных, о гостях, о тех, кто интригует, и о тех, кто просто наблюдает. Она плыла по залу, и моя рука в её руке чувствовала лёгкое по-

калывание — магия перетекала от неё ко мне, смешиваясь с моей собственной.

Мы остановились в другом конце зала, напротив трона. И то, что я увидела, заставило меня замереть.

На троне разлегся мужчина. В чёрных брюках, белой расстёгнутой рубашке и зелёном жилете — он выглядел мощным, но слегка неряшливым для этого места. Взъерошенные тёмные волосы, несвежая щетина, расслабленная поза. Он курил прямо на троне, прямо перед публикой, закинув ногу на ногу и вырисовывая носком сапога ленивые круги. На его губах играла насмешливая улыбка, и он что-то напевал себе под нос, совершенно не обращая внимания на присутствующих.

Я вопросительно взглянула на свою новую знакомую.

— Это что, король?

Марета подавилась смешком, прикрыв рот ладонью.

— В каком мире ты жила, милая, — она покачала головой, но в её глазах заплескали искорки.

— Откуда... — начала я, но она не дала мне задать вопрос.

— Я всё знаю, — сказала она, и в её голосе промелькнула мягкая усмешка. — Конечно, не король. Это его шут.

Она горько усмехнулась, и я почувствовала в этой усмешке что-то большее — разочарование, усталость.

— Шут? — переспросила я, не веря своим ушам. — Почему шут сидит на троне?

— Потому что шут — единственный человек, которому

позволено всё, — ответила Марета, и в её голосе послышалась странная, почти печальная нотка. — Сидеть на троне, высказывать своё мнение, говорить гадости в лицо. Разговаривать с королём на равных. Он — единственный, кто может позволить себе правду в этом мире лжи.

Я перевела взгляд обратно на трон, но мужчины там уже не было. Он исчез так же внезапно, как и появился.

И в этот момент музыка загрохотала — громкая, торжественная, заставившая воздух дрожать. Люди разошлись по сторонам, освобождая широкий проход, и все как один склонили головы. Марета дёрнула меня за руку, и я послушно опустила голову, чувствуя, как по спине пробегает холодная дрожь.

В зал вошёл король.

Если мужчины в этом мире были гораздо выше и привлекательнее, чем в моём, то король был просто бесподобен. Строгий тёмно-бордовый костюм сидел на нём идеально, подчёркивая мощные плечи и тонкую талию. Я вдруг поняла, что цветы, которыми был уставлен каждый угол, были про него — глубокий бордовый оттенок, как запёкшаяся кровь, как закат.

Его короткие чёрные волосы падали на глаза, и в этом беспорядке была какая-то дикая, хищная красота. Но самое поразительное — его глаза. Янтарные, горячие, как расплавленное золото. На его голове покоилась корона, усыпанная драгоценностями, которые переливались в свете свечей.

Но что-то в его облике было не так. Словно он был не живым. Словно внутри него горел холодный, бесконечный огонь, и этот огонь делал его одновременно прекрасным и пугающим.

Он молча поприветствовал гостей лёгким кивком и прошёл к трону. Вокруг него мгновенно образовался щит из стражников — мужчины мощные, суровые, но на фоне короля они казались ничтожными. Он устало опустился на трон, потер виски, и я увидела в этом жесте такую глубокую усталость, что сердце сжалось.

К нему подошёл лорд Хартвин, что-то шепнул на ухо, и, получив короткий кивок, так же бесшумно исчез в толпе.

Дальше начался круговорот. Речи, лица, улыбки. Каждый подходил к королю выразить поздравления с предстоящей помолвкой, и я видела, как они навязываются, как льстят, как их лица искажаются фальшивой радостью. Искренности не было ни в одной улыбке, ни в одном поклоне. Это был театр, и король был его главным, уставшим зрителем.

И вдруг наши взгляды встретились.

Я почувствовала это раньше, чем осознала — его янтарные глаза взглянули на меня сквозь толпу, и в них мелькнула вспышка. Голубой свет, холодный и пронзительный, на мгновение заменил золото, и я замерла. Моя магия, мой дар — они вскипели в венах, заставляя сердце биться быстрее. Я нутром чувствовала: здесь скрыта магия. Могущественная, древняя, она пульсировала в самом воздухе, в камнях, в кро-

ви этого короля.

Он тут же отвернулся, словно испугавшись того, что я увидела.

Интересная закручивается ситуация, подумала я, медленно выдыхая.

Я потеряла из виду рыжеволосую ведьму — Марета исчезла в толпе так же внезапно, как и появилась. Но вместо неё ко мне подошёл лорд Хартвин. Он возник рядом бесшумно, как тень, и его глаза внимательно осмотрели меня с ног до головы.

— Прекрасно выглядите, Алетейя, — произнёс он, и в его голосе послышалось одобрение. — Вам идёт это платье.

— Благодарю, — ответила я, и мой голос прозвучал ровнее, чем я ожидала.

Он взмахнул рукой, и в его ладони материализовался хрустальный цветок — тонкий, переливающийся всеми цветами радуги, с мелкими искрами внутри каждого лепестка. Он молча вложил его мне в ладонь, и я ощутила, как от цветка исходит мягкое, пульсирующее тепло. Он удалился так же бесшумно, как и появился, растворившись в толпе.

Но в этот момент на нас смотрел король. Его янтарные глаза горели в полумраке, и я почувствовала на себе его тяжёлый, изучающий взгляд. Я не отвела глаз — я встретила его взгляд открыто, и в груди разлилось странное чувство, смесь страха и любопытства.

Я позволила себе выпить вина — терпкого, насыщенно-

го, с привкусом ягод , — и даже подарила танец какому-то лорду, который болтал мне на ухо пьяные, бессвязные речи, восхваляя мою красоту . Я слушала его вполуха, рассеянно кивая, а глаза мои искали Марету.

Я снова встретила её у одной из колонн. Она стояла, приклонившись к камню, и в её руках бокал с золотистым напитком. Она не посчитала нужным рассказывать о том, куда пропадала, и я не стала спрашивать. Мы обменялись лишь короткими взглядами, и я поняла: у каждого здесь свои секреты.

Ещё пару раз я видела загадочного мужчину с трона — того, которого мне представили шутком. Я сразу поняла, что он таковым не являлся. В его суровых, глубоких глазах я увидела печаль, и в них мелькал тот же голубой блеск, что и у короля. Он растворялся в пространстве и появлялся вновь в другом конце зала, словно был не совсем человеком.

Что это было, я так и не поняла. Здесь была своя магия, своя иерархия, свои тайны. И с каждым мгновением я чувствовала, как они притягивают меня всё сильнее.

Наконец, когда свечи начали догорать, а гости — расходиться, я простилась с Маретой. Она мягко сжала мою ладонь, и в её глазах мелькнула тёплая, понимающая искорка.

— Увидимся завтра, — сказала она, и в её голосе послышалось что-то, похожее на обещание.

Я кивнула и, подхватив подол платья, направилась к лестнице, ведущей в мою комнату. Каблуки тихо цокали по кам-

ню, и каждый шаг отдавался в тишине коридора, унося меня всё дальше от шума приёма.

В комнате я скинула туфли, распустила волосы и села на кровать, уставившись на хрустальный цветок, который всё ещё лежал в моей ладони. Он мягко светился, переливаясь, и я чувствовала, как от него исходит магия — тёплая, пульсирующая, живая.

Сколько всего произошло за один вечер. Король с янтарными глазами, что вспыхивали голубым светом. Загадочный шут, появляющийся из ниоткуда. Марета, знающая обо мне больше, чем говорит. Лорд Хартвин с его хрустальным цветком и обволакивающим голосом.

Я легла на кровать, и тишина комнаты обняла меня, мягкая и убаюкивающая. Мысли путались, образы смешивались, и я чувствовала, как усталость накатывает тёплой волной. Я никогда не засыпала так быстро — словно кто-то щёлкнул пальцами, и я провалилась в глубокий, бездонный сон, полный шепчущих стен и голубого света

Глава 4

Утро ворвалось в мою комнату вместе с солнечными лучами, которые пробивались сквозь каменные проёмы и ложились на пол золотыми полосами. Я лежала в кровати, глядя, как они медленно ползут по ковру, и чувствовала, как тело ещё помнит вчерашний вечер: тяжесть платья, высокие каблуки, бесконечные танцы и фальшивые улыбки, которые я дарила незнакомцам. Всё это осталось где-то в прошлом — вместе со вчерашним днём.

Я решила не спускаться к завтраку. Мия, моя молчаливая тень, принесла поднос в комнату: свежий хлеб с хрустящей корочкой, нарезанные фрукты, янтарный мёд в маленьком кувшинчике. Я ела не спеша, водя карандашом по бумаге, и на листе постепенно проступал план южной части замка. Колонны, арки, переходы — всё это складывалось в стройную систему, рождая на бумаге путь моего отступления. Я погрузилась в работу с головой, и время потеряло свой ход.

Только когда солнце поднялось в самую высь и начало заливать комнату ярким, почти ослепительным светом, я отложила карандаш. Пора было продолжать исследование. Я накинула лёгкую мантию и вышла в коридор, чувствуя, как камень под ногами отдаёт приятным теплом.

Я брела по коридорам, поворачивая то направо, то налево, и сама не заметила, как оказалась перед тяжёлой дубовой

дверью, украшенной резьбой. Я толкнула её, и передо мной открылась галерея.

Это было потрясающе. Длинный коридор, уходящий вдаль, с высокими сводчатыми потолками, был увешан картинами в золочёных рамах. Солнечный свет, проникающий через высокие окна, озарял полотна, и они оживали, начинали дышать. Я шагнула внутрь, и время для меня остановилось.

Я бродила вдоль стен, останавливаясь перед каждым полотном, и чувствовала, как меня накрывает волна эмоций. Натюрморты с сочными фруктами и роскошными цветами, пейзажи с дикими скалами и бушующим океаном — я узнавала эти места. Но портреты были настоящей драгоценностью. Неизвестные лица смотрели на меня с высоты веков, и в их глазах я видела целые истории. Лорды в нарядных камзолах, леди в струящихся платьях, дети, смеющиеся и серьёзные. Их одежда менялась от эпохи к эпохе — кружева сменялись бархатом, тяжёлые ткани — лёгкими, почти прозрачными. Но во всех этих лицах было что-то общее — аристократичная стать, благородство, чувство собственного достоинства. Я невольно сравнивала их с людьми из моего мира, и сравнение было не в пользу последних.

Но дальше, в глубине галереи, меня ждало нечто иное.

Фрески. Древние, потускневшие, с едва различимыми красками, но от них веяло такой мощью, что у меня перехватило дыхание. Я подошла ближе и замерла. Здесь бы-

ли изображены битвы, пиры, церемонии — история этого места, высеченная в краске. На одном из полотен я узнала замок Каменных Ворот, но он выглядел совсем иначе — грубой, неприступной скалой, возвышающейся над океаном. Без изящных башен, без арок, без всего того великолепия, которое я видела сейчас. Просто камень и мощь.

несколько фресок заставили меня замереть на месте.

Три женские фигуры в белых одеждах. Они стояли рядом, их руки были соединены, и глаза — художник передал это с невероятным мастерством — горели голубоватым светом, тем самым, что я видела вчера у короля. Ведьмы. Я поняла это сразу. Они появлялись на нескольких фресках, всегда вместе, всегда неразлучные. Но их лица были размыты, словно художник намеренно скрывал их от посторонних глаз. Будто эти лица принадлежали чему-то большему, чем просто людям.

Я стояла перед ними долго, пытаюсь разглядеть хоть намёк на их черты, но безуспешно. Только ощущение, что я должна их знать. Что эти женщины — ключ к чему-то важному.

Когда я вышла из галереи, голова гудела от мыслей. Я шла на автомате, не разбирая дороги, и вдруг оказалась в знакомом зале. Том самом, где всё началось в моём мире. Где я делала первые замеры, чертила первые планы, чувствовала холод безжизненного камня под пальцами.

Теперь всё было иначе.

Зал дышал. Стены переливались тёплым светом, будто из-

нутри их подсвечивало невидимое пламя. Каждая колонна, каждый узор — всё это было живым, настоящим, наполненным магией. Я стояла посередине, запрокинув голову, и чувствовала, как этот зал принимает меня, как камни отзываются на моё присутствие. На секунду мне показалось, что я вернулась домой. В место, где меня ждали.

— Всё в порядке? — раздался голос за спиной, и я обернулась.

Марета стояла в дверном проёме, и даже в простом зелёном платье, без украшений и без единой драгоценности, она выглядела ослепительно. Её рыжие волосы струились по плечам, а глаза светились тем же магическим светом. Она была воплощением женственности — гибкая, грациозная, лёгкая, как ветер.

— Искала тебя, — сказала она, делая шаг ко мне. — Все готовятся к появлению принцессы. Сейчас начнётся это представление. Но я предлагаю сбежать.

Она не ждала моего ответа. Просто развернулась и пошла, и я, словно замороженная, двинулась следом.

По пути она болтала без умолку: о сегодняшнем вечере, о том, кого мы встретим, о том, как все будут излучать фарисейство и лживость. Её голос лился легко и мелодично, и я поймала себя на том, что мне нравится её слушать. Но внезапно я увидела оранжерею, и все мысли вылетели из головы.

Это было чудо. Стекланный купол, пропускающий солнечный свет, колонны, оплётённые изумрудными лианами,

каскады цветов, свисающие с потолка. Всё пространство дышало жизнью — яркой, сочной, переполненной магией. Воздух был таким плотным, что его можно было пить.

— Ну как? — спросила Марета, делая пируэт. Её платье взметнулось, и она закружилась, как ребёнок, который только что нашёл своё любимое место.

— Твоих рук дело? — выдохнула я.

Она рассмеялась, и в этот момент её волосы взметнулись, будто от ветра. Зелёный дым заструился от её пальцев, и сотни бутонов вокруг нас раскрылись в одно мгновение, превращая оранжерею в райский сад. Она была сильной. И это было завораживающе.

— На публике это неприлично, — сказала она, игриво улыбнувшись, и провела рукой по моим волосам. На моей голове появился венок из полевых цветов. Она подмигнула, и я ощутила лёгкое тепло внутри.

— Ты здесь живёшь? — спросила я, оглядываясь.

— О, нет, — она загадочно улыбнулась. — Это место для вдохновения.

Я не успела моргнуть, как мир качнулся. Мы уже стояли в её комнате, на несколько этажей выше. Её спальня была похожа на неё саму — живая, яркая, женственная. Пыльно-розовые ткани струились с потолка, мягкий зелёный плед укрывал огромную кровать. На столе стояли пробирки и сушёные травы, а рядом — флаконы с разноцветными жидкостями. Зеркало в металлической оправе отражало комнату, и

повсюду лежали шкатулки с драгоценностями, сверкающие в свете ламп.

— Мы с Дэмианом росли вместе, — неожиданно сказала она, и голос её стал серьёзным. — Наши матери были неразлучны. Сильные женщины должны держаться вместе.

Она повернулась к окну, и я увидела её профиль. В нём было что-то такое, от чего сердце сжалось.

— Год назад всё изменилось, — продолжила она, и голос её дрогнул. — Они ушли вместе. Так же, как шли всю жизнь.

Она замолчала, и тишина в комнате стала тягучей, как мёд. Я хотела что-то сказать, но слова застряли в горле.

— Дэмиан отдалился, — сказала она, не оборачиваясь. — Ему пришлось собрать себя заново. Принять силу своей матери, взойти на престол. Защищать людей, которые его ненавидят.

Она повернулась ко мне, и я увидела в её глазах сталь, спрятанную под слоем боли.

— Я осталась здесь, — сказала она тихо. — Кто-то же должен удерживать силу этих стен. Кто, если не сильная женщина?

Она улыбнулась, но улыбка была горькой.

— Мне жаль, — выдохнула я, и это было искренне.

— Не стоит, — в её голосе проскользнула усталость. — Они в лучшем мире. Судьба каждого рано или поздно настигает.

Она покачала головой, и в следующее мгновение её лицо

осветилось улыбкой. Маска снова скользнула на место, и она стала прежней Маретой — игривой, озорной.

— Сегодня будет ужин, — сказала она, и голос её зазвенел. — Меня тошнит от этих самодовольных лиц. Они думают, что значат что-то, но каждый раз проваливаются. Ты единственная, кто смотрит на всё это с достоинством. Ты мне нравишься, цветочек.

Она подошла ко мне и легко коснулась моего плеча. Я улыбнулась, но внутри всё сжалось. Слова были тёплыми, но я не могла понять: это игра или искренность? В этом мире, полном интриг и лжи, найти друга было почти невозможно.

Но я хотела верить. Хотя бы на мгновение.

Я вернулась в свою комнату, и тишина встретила меня, как старая подруга. Сбросив туфли, я сразу села за стол, взяла карандаш и принялась делать новые записи. Бумага быстро покрывалась линиями — я набрасывала план увиденных комнат: оранжерея, картинная галерея, залы, коридоры. Всё складывалось в голове, но одна деталь ускользала от меня. Я никак не могла понять, где именно находится комната Мареты. Она словно существовала вне пространства, вне логики этого замка. Или же Марета просто не хотела, чтобы я знала.

Время подходило к ужину, и в комнату бесшумно скользнула Мия. В руках она держала платье — голубое, полупрозрачное, струящееся, как водопад. Я замерла, глядя на него, и в груди вдруг кольнуло. Оно было похоже на платье Лиры.

То самое, в котором она кружилась перед зеркалом, спрашивая, как выглядит. Я вспомнила её смех, её голос, её темные волосы, и на мгновение стало так тоскливо, что перехватило дыхание.

Но платье Лиры было простым. Это же было достойно королевской особы.

Тончайшая голубая ткань просвечивала кожу, обнажая всё, что должно было оставаться скрытым. Открытые плечи, глубокая линия декольте, обнажённая спина до самой поясицы. Разрез, идущий от талии, при каждом шаге должен был открывать ногу, делая меня уязвимой и выставленной напоказ. Я посмотрела на себя в зеркало и почувствовала, как внутри поднимается волна протеста.

— Нет, — сказала я твёрдо. — Я в этом не пойду.

Мия замерла, не зная, что ответить. В её глазах промелькнула растерянность, смешанная со страхом.

— Вам не нравится? — спросила она робко. — Но вы должны, леди. Таковы правила. Вы прекрасно выглядите.

— Я голая! — я рывкнула, и мой голос эхом отразился от стен. Мия опустила глаза, сжавшись, словно я ударила её.

— По-моему, вы выглядите ослепительно, правда, — прошептала она, и в её голосе слышалась такая искренняя мольба, что я невольно выдохнула, сбрасывая напряжение.

Я глубоко вздохнула. Правила есть правила. Я приняла их. Мия накинула на меня сверху кружевной корсет белого цвета — он немного прикрывал просвечивающиеся части тела.

Снова туфли на высоком каблучке — они делали мои ноги ещё длиннее, а лодыжки тоньше, превращая меня в хрупкую фарфоровую статуэтку. В ушах засверкали крупные топазы, перекликающиеся с голубизной платья и подчёркивающие холодный блеск моих глаз. По рукам стекала прозрачная ткань, как водяные струи.

Мия заколола мои волосы, а затем приснула на лицо жидкостью с блёстками, аргументируя это тем, что это отлично подсветит кожу. Я взглянула в зеркало и на мгновение замерла. Мои глаза светились тем же голубоватым светом, что и у местных женщин. Я выглядела так, словно всегда была здесь. И это пугало больше, чем обнажённое тело.

Я спустилась на ужин.

Зал был великолепен. Длинный стол, накрытый белоснежной скатертью, утопал в изысканной сервировке. Хрусталь и серебро сверкали в приглушённом свете, отражая огоньки свечей. Бордовые цветы в прозрачных вазах стояли вдоль всего стола, и их тёмные лепестки казались каплями застывшей крови. Воздух был наполнен ароматом дорогих духов и предвкушения.

Гости усаживались за стол. Марета проскользнула ко мне, и я невольно залюбовалась ею. Золотистое платье струилось по её телу, делая её похожей на луч солнца, который случайно упал на этот тёмный вечер. Её рыжие волосы были переплетены множеством кос, и несколько прядей спадало на лицо, делая её образ ещё более загадочным. Она была ослепи-

тельна.

— Ты сегодня просто сияешь, — шепнула она мне, и в её глазах мелькнула озорная искорка.

Напротив нас расположился лорд Хартвин. Чёрный строгий костюм, расшитый золотыми цветами, сидел на нём идеально, подчёркивая его статную фигуру. Его тёмные глаза смотрели куда-то сквозь меня, и я поймала себя на мысли, что он не видит никого, кроме рыжеволосой ведьмы.

Во главе стола восседал король. Величественный, как скала, на которой стоял замок, и печальный, как океан за его стенами.

Ужин шёл своим чередом. Курсовая подача сменяла одно изысканное блюдо другим: нежные супы, рыба, запечённая с травами, мясо, тающее на языке, изысканные десерты. Я ела и чувствовала, как взгляды скользят по мне, оценивая, раздевая, сравнивая.

— Леди Алетейя, — голос лорда Хартвина вывел меня из размышлений.

Я подняла глаза.

— Как ваше прибытие в замке? Вы нашли его... — он хмыкнул, — примечательным?

— О, лорд, всё замечательно, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Замок великолепен. Уже есть несколько идей по его усовершенствованию.

Я лукавила, и он это знал.

— Вы считаете замок требует усовершенствования? —

раздался холодный, низкий голос.

Я замерла. Говорил король. Его янтарные глаза сверлили меня, прожигая насквозь, и я почувствовала, как внутри всё сжимается. Я поперхнулась, но заставила себя выдержать его взгляд.

— Всё можно усовершенствовать, — сказала я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала.

Он скущающе посмотрел на меня, откинувшись на спинку стула.

— Что вы можете предложить?

Я сделала глубокий вдох. Несмотря на то что Хартвин управлял замком, всё здесь принадлежало королю. И его слово было законом.

— Северная часть замка окружена океаном, — начала я, и слова потекли ровно, как вода. — Я думаю, хорошей идеей будет организовать смотровую площадку, чтобы гости могли наслаждаться видом. Нужно доработать расположение основных комнат, чтобы поступало больше света. Организовать незаметные проходы для быстрой работы слуг. И ещё... — я на мгновение замолчала, — я бы хотела добавить больше зелени. Всё остальное, безусловно, будет выдержано в стилистике южной части.

Король молча выслушал меня. Его лицо осталось непроницаемым.

— Работайте, леди, — сказал он коротко и перевёл взгляд на свой бокал.

Я выдохнула с облегчением.

— А с каких пор архитектурой занимается девчонка? — раздался наглый, насмешливый голос.

За столом появился шут. Он материализовался из воздуха, как призрак, я почувствовала, как по спине пробегает холодок. Он поставил локти на стол, уложил на них голову и устался на меня. Нагло, вызывающе, разглядывая мою грудь сквозь прозрачную ткань.

Моя рыжая подруга закатила глаза, и я едва сдержала улыбку.

— Никогда не знаешь, чем тебя может удивить женщина, — ответил лорд Хартвин, и в его голосе послышалась лёгкая усмешка.

— Это точно, — усмехнулся шут, и в следующее мгновение он исчез, растворившись в воздухе.

Неприлично показывать свои силы, подумала я, вспоминая слова Мареты. Я вернулась к еде, но чувствовала на себе взгляды — многие смотрели на меня с любопытством, кто-то с неприязнью.

Весь вечер я наблюдала за лордом Хартвином. Его взгляд был прикован к Марете. Он не сводил с неё глаз, ловил каждое её движение, каждый вздох. В его глазах горел голодный, жадный огонь, и мне всё стало понятно. Он любил её. И эта любовь была мучительной, разрушительной.

Король ушёл не попрощавшись. Просто поднялся и исчез в полумраке, оставив за собой пустоту. Придворные начали

расходиться, и я тоже поднялась, заверив остальных, что доберусь до комнаты сама.

Я вышла в коридор и почувствовала, как воздух становится прохладнее. Мне нужно было подышать. Корсет сдавливал рёбра, и я едва могла сделать полный вдох. Как женщины вообще носят такое?

Я добралась до своей комнаты, быстро переоделась — в свободную рубашку и брюки, которые были так удобны, что я чуть не застонала от облегчения, а затем выскользнула в коридор.

Ноги сами привели меня к каменному мосту. Я хотела послушать шум океана, вдохнуть солёный воздух, почувствовать себя живой. Я села на перила за одной из колонн и, сжимая пальцы, позволила маленьким искоркам вырваться наружу. Они плясали у моих рук, как светлячки, отражаясь в тёмной воде внизу.

Вдруг я услышала шаги.

Я замерла, и огоньки мгновенно погасли. Дыхание перехватило. Если я не пойду на звук — буду жалеть. Если пойду — тоже буду жалеть.

Шаги становились быстрее, удаляясь, и я, подчиняясь любопытству, скользнула в тень. За колонной, окружённой серебряными цветами, я застала любопытную картину.

Марета. Её золотистое платье почти рассыпалось в чьи-то руках. Она льнула к мужчине, растворяясь в нём полностью, и я видела, как его рука сжимает её бёдра, как дру-

гая тянет за длинные рыжие волосы, запрокидывая её голову. Девушка горела в его объятиях, и поцелуй их был жарким, отчаянным, словно они крали этот миг у судьбы.

Я смотрела, не в силах отвести взгляд. Щёки горели, сердце бешено колотилось. Я не должна была этого видеть.

Но тут луна осветила его лицо, и я не сдержала удивлённого вдоха.

Шут.

— Здесь кто-то есть, — прошептал он, в его голосе послышалась сталь. Он прищурился, оглядывая темноту, и мгновение спустя исчез, растворившись в тени. Вслед за ним исчезла и растрёпанная ведьма, сверкнув изумрудными глазами в темноте.

Я стояла, прижавшись спиной к колонне, и чувствовала, как бешено бьётся сердце. Мне нужно было исчезнуть. Сейчас же. Я развернулась и быстро направилась в свою комнату, стараясь не думать о том, что только что увидела.

В голове крутилась одна мысль: пара, которая явно не должна быть вместе. Она и он. Ведьма и шут. Что связывало их? Почему я чувствовала, что это не просто тайная страсть — это что-то гораздо большее?

Я закрыла дверь комнаты и прислонилась к ней лбом, чувствуя, как холодный камень остужает горячую кожу. Стыд и любопытство смешались в груди, и я не знала, что чувствую сильнее.

Но я знала одно: этот замок — как шкатулка с множеством

отделений. И каждое из них хранит свою тайну.

Глава 5

Утро встретило меня солнечными лучами, которые покалывали веки, пробиваясь сквозь лёгкую дремоту. Я открыла глаза, и первое, что пришло в сознание — липкое, тягучее чувство стыда. Я не должна была видеть того, что увидела прошлой ночью. Это было чужое, тайное, не предназначенное для моих глаз. Я перевернулась на спину, уставившись в каменный потолок, и попыталась прогнать навязчивые образы: рыжие волосы, спутанные в страстном порыве, тени, сплетающиеся в единое целое.

Я привела себя в порядок — умылась холодной водой, смывая остатки сна, и подошла к столу, где лежали мои чертежи. Бумага была исписана. Я провела пальцами по карандашным штрихам, чувствуя, как работа успокаивает, возвращает контроль над хаосом в голове. Мне нужно отвлечься. Изучать замок, искать ответы. Возможно, я увижу то, что поможет мне вернуться, разгадать загадку того, как я сюда попала и зачем.

Мои мысли прервала Мия. Сегодня она выглядела ещё аккуратнее, чем обычно. Волосы были собраны в две тугие косы, уложенные вокруг головы, а накрахмаленный фартук сиял белизной. Вместе с ней в комнату ворвался аромат кофе

и свежей выпечки — тёплый, густой и уютный.

— Леди, сегодня ожидают приезд принцессы, — зашептала она, расставляя на столе тарелки. — Приём будет удивительным! Я думаю, вам тоже понравится. Все с раннего утра готовятся.

Я задумчиво вздохнула. Значит, сегодня я не смогу спокойно осмотреться. Тронный зал точно будет занят, а коридоры заполнятся гостями и прислугой. Но, возможно, это и к лучшему — в суматохе легче остаться незамеченной.

Я решила воспользоваться болтливостью девушки.

— Что ты можешь рассказать о принцессе? — спросила я, как бы невзначай, беря в руки чашку с кофе.

Мия смущённо опустила глаза, и на её щеках проступил лёгкий румянец.

— Вообще мало кто видел её вживую, — сказала она тише. — Но говорят, она самая прекрасная девушка. Как лесная нимфа. Моя кузина работала при её дворе, она рассказывала, что принцесса отличается невероятной добротой. Всегда улыбается слугам, помнит их имена... — Мия запнулась, и её голос стал почти шёпотом. — Чего не сказать о её ма-

тери.

Она буркнула последние слова и тут же прикусила губу, поняв, что сболтнула лишнего.

Я удивлённо подняла бровь. Значит, в этом мире женщины держат силу. Мать принцессы — королева, и она, судя по всему, не та, с кем стоит шутить. Меня это не обрадовало.

— Так принцесса будет в сопровождении... — осторожно протянула я.

— Королевы, да, — Мия кивнула, и в её глазах мелькнула тень страха. — У вас будет возможность пообщаться с ними сегодня. Вы здесь важный гость.

— Да, точно, — я задумалась. — Важный гость.

Мия улыбнулась, и её лицо снова стало беззаботным.

— Я подготовлю вас сегодня вечером, — сказала она, и в голосе послышалась загадочная нотка. — Надеюсь, сегодняшний образ обрадует вас больше.

Она выпорхнула из комнаты так же стремительно, как и появилась, оставив меня наедине с мыслями и остывающим

кофе.

Весь день я изучала замок. я зарисовывала всё, отмечала важные детали, запоминала повороты. Но сегодня стены молчали. Их каменная сила спала, и я не чувствовала того тёплого, пульсирующего присутствия, которое ощущала вчера. Ни одного намёка на магию — только холодный камень и тишина.

Слуги носились по замку как встревоженные муравьи. Девушки украшали стены гирляндами из цветов, и из их ладоней шёл едва уловимый дымок — слабый отголосок магии, который они едва сдерживали. Я видела их сосредоточенные лица и понимала: это просто работа. Без магии здесь не обойтись.

Но ни одной придворной особы я не встретила на своём пути. Либо они, как крысы, разбежались по своим норам в ожидании вечера, либо происходило что-то, чего мне не суждено было видеть.

Я дошла до северной части замка и задержалась на каменном мосту, который нависал над пропастью океана. Ветер был сильным и солёным, он трепал мои волосы, бросал их в лицо, но я не уходила. Я подставила лицо прохладному потоку и закрыла глаза, слушая, как волны разбиваются

о скалы внизу.

Их шепот был похож на песни сирен — манящий, успокаивающий, полный надежды. Я чувствовала, как океан зовёт меня, как его бесконечная глубина хранит чужие тайны.

— Что вы чувствуете? — раздался голос совсем рядом.

Я вздрогнула от неожиданности. Сердце пропустило удар, и я резко обернулась.

Король.

Он стоял в нескольких шагах от меня, и я не слышала его приближения. В расстёгнутой рубашке, свободных брюках, с непокрытой головой он мог сойти за обычного мужчину — если бы не его природная стать, не та скрытая мощь, что чувствовалась в каждом его движении. Он оперся спиной на каменные перила, сложив руки на груди, и смотрел на меня с лёгкой, почти насмешливой улыбкой. Расслабленный. Печальный.

Я тут же поклонилась, но он лишь сощурился.

— Давайте без этого, — сказал он, и в его голосе послышалась мягкая усмешка. — Вы ведь даже не знаете, что де-

лаете.

Я замерла, чувствуя, как внутри всё сжимается. Он знает. Он точно знает, кто я. Но почему молчит?

— Так что вы чувствуете, Алетейя? — он пронзил меня своим янтарным взглядом — любопытным, изучающим, прожигающим насквозь.

— Спокойствие, — ответила я, и это было правдой. В этом месте, на краю пропасти, среди ветра и волн, я чувствовала необъяснимый покой.

Он улыбнулся, и в его улыбке промелькнуло понимание.

— Мало кто чувствует спокойствие от такой могущественной стихии, — сказал он тихо. — Волны смертоносно бьются о камень в агонии. Но я разделяю ваши чувства.

Он перевёл взгляд на бескрайний океан, и я увидела, как на его лице отражается глубокая, старая тоска.

— Смотровая площадка будет отличной идеей, — он запомнил мои слова.

— Разве вас не должна окружать стража? — спросила я,

чувствуя, что нарушаю границы, но не в силах остановиться.

— Думаете, мне нужна охрана? — он усмехнулся, в этой усмешке было столько скрытой силы, что я невольно поёжилась.

Он посмотрел мне в глаза, и в его ладони вспыхнул огонь. Маленькая, изящная русалка, вылепленная из пламени, вырвалась из его руки и устремилась вниз, к океану. Она летела стремительно, оставляя за собой шлейф искр, и, коснувшись воды, зашипела и рассеялась паром.

Я невольно улыбнулась. Это было красиво. Магия, которой я так же владела и которую чувствовала каждой клеткой.

— Вам нравится здесь? — спросила я, и он удивлённо взглянул на меня.

— Мало кто спрашивает, что мне нравится, — сказал он, и в его голосе послышалась горькая нотка. — Но да. Я люблю это место. Оно напоминает мне о детстве, которое я провёл в этих стенах.

Он грустно улыбнулся закатному солнцу, его профиль на фоне багрового неба казался высеченным из камня — прекрасным, холодным и недостижимым.

— Надеюсь увидеть вас на приёме, — сказал он и, не оборачиваясь, ушёл.

Я осталась одна. Ветер стих, океан тоже, и тишина стала почти осязаемой. Я не понимала, что это было. Станный диалог с королём, который знает обо мне больше, чем я сама. Он знает, что я не та, за кого себя выдаю. Точно знает. Но молчит.

Я вернулась в комнату, а мысли путались, как нити в клубке. Зачем он подошёл ко мне? Что он хотел сказать? И почему я чувствовала себя так, словно мы говорили о чём-то большем?

Мия зашла в комнату, и мы начали подготовку к приёму. Я позволила ей заниматься моим образом, чувствуя себя куклой в руках искусного мастера.

Сегодня платье было скромнее. Серая ткань — цвета моих глаз, — струилась вниз, закрывая шею и руки, оставляя открытой только спину. Лиф плотно облегал фигуру, а талию украшал пояс из камней, собранных в сеть, которая каплями спадала на бёдра. Волосы сегодня были распущены и спадали на лицо мягкими кудрями. Я смотрела в зеркало и видела в нём дым — лёгкий, почти невесомый, готовый исчезнуть

в любой момент.

Эти дни в замке не были продуктивными. Вопросов становилось только больше, ответов не было, я чувствовала себя загнанной в ловушку — красивой, вычурной, но всё равно клеткой.

Спустившись в тронный зал, я замерла на пороге, поражённая его убранством. Алые цветы, казалось, горели в полумраке, дополненные тёмно-зелёными листьями, которые свешивались с потолка. Хрустальные люстры, усыпанные тысячами огней, создавали мягкое, приглушённое сияние. Музыканты исполняли нежную мелодию, которая пробирала до мурашек, заставляя сердце биться в такт.

Король встречал гостей. Он стоял у трона, величественный и отстранённый, и я снова почувствовала ту странную связь, которая возникла между нами на мосту. Люди стояли небольшими группами, ведя непринуждённые беседы, а слуги лавировали между ними с подносами, на которых красовались бокалы с сияющей жидкостью.

Женщины были одеты в длинные платья, щедро усыпанные драгоценностями, всем своим видом показывая статус. Мужчины — в строгих костюмах приглушённых оттенков, сдержанные и холодные. Я чувствовала себя чужой среди

этого великолепия.

Вдалеке я заметила рыжие локоны, мелькнувшие среди гостей, и направилась туда.

Марета была в красном платье. Оно подчёркивало её внушительный бюст, струилось до пола, каждый её шаг был исполнен грации. На руках сверкали золотые браслеты, а тонкий золотистый обруч облегал шею, подчёркивая её длинную, изящную линию. Сегодня она выглядела пленительной и опасной — как хищница, играющая с добычей.

Её собеседником оказался лорд Хартвин. Она громко смеялась над его речами, то и дело касаясь его плеча, и я видела, как он буквально тает под её прикосновениями. Конечно, она сводила его с ума. И делала это намеренно.

Я подошла к единственным знакомым в этом месте.

— Я не помешаю? — спросила я, чувствуя себя неуверенно.

— Конечно нет, милая, — Марета повернулась ко мне, и её зелёные глаза блеснули в свете свечей. — Как прошёл твой день? Прости, сегодня было так много забот, совсем не было времени навестить тебя.

Лорд Хартвин внимательно посмотрел на меня, и в его взгляде мелькнуло что-то — любопытство? подозрение?

— Я изучала замок, — ответила я мягко. — Ничего особенного.

Я улыбнулась, но решила утаить свою встречу с королём.

И в этот момент музыка перестала играть. Люди затаили дыхание, и тишина повисла в зале, плотная, как туман. Все взгляды устремились к входу.

В зал вошла принцесса Каллиста

Глава 6

Я поняла, о чём говорила Мия. Это была не просто красивая девушка — это было воплощение неземной, почти болезненной красоты. Принцесса Каллиста плыла по залу, словно лебедь по зеркальной глади, и каждый её шаг был исполнен такой грации, что у зрителей перехватывало дыхание. Кремовое платье струилось за ней длинным шлейфом, мерцая в свете свечей, словно сотканное из лунного сияния. Кружево покрывало руки, шею и спину, делая её похожей на хрупкую фарфоровую куклу, которую боятся разбить. Золотистые волосы мягкими локонами спадали на плечи, обрамляя бледное, ангельское лицо.

Она выглядела как ангел, спустившийся с небес в адскую ловушку.

Она была ниже остальных — маленькая, изящная статуэтка, которую хотелось защитить от всего мира. Но когда она подняла глаза... они не сияли. Там не было магии. Только пустота. Только бездна, в которой утонула надежда.

Её ждал король. Он стоял на возвышении у каменного трона и смотрел на неё абсолютно безразличным, пустым взглядом, словно перед ним была не невеста, а пустое место. Он протянул руку — жест скорее формальный, чем искренний, — и девушка вложила в неё свою ладонь. Маленькую, дрожащую, беззащитную.

А позади, мрачной тенью, следовала другая женщина. Высокая, величественная, могущественная — королева Тамарис. Каждый её шаг был подобен удару грома, каждый взгляд — ледяному дождю. На её лице был отпечаток прожитых лет, но возраст не портил её — он делал её ещё более устрашающей. Бледнокожая блондинка с идеальной осанкой, она двигалась так, словно весь мир был её тронem. Тяжёлое фиолетовое платье с золотыми узорами струилось по её фигуре, переливаясь в свете свечей, а на голове красовалась высокая корона с острыми зубцами, которые казались шипами. Казалось, коснись её — и она пронзит палец до крови.

Она хищно улыбалась, глядя на короля, и в этой улыбке было столько коварства и расчёта, что по моей спине пробежал холодок.

После всех официальных речей, когда воздух наполнился фальшивыми поздравлениями и приторными улыбками, мы с Маретой выскользнули на небольшой каменный балкон. Он был скрыт от толпы тяжёлыми бархатными шторами, и здесь, в тишине, мы могли дышать.

— Королева Тамарис и её ангел Каллиста собственной персоной, — театрально начала Марета, и в её голосе послышалась горькая насмешка. — Держись от них подальше, цветочек. Эта гиена ничего не говорит и не делает просто так. Она привела своего ягнёнка на убой этим хищникам.

Она бросила взгляд в толпу, и я увидела, как её зелёные глаза сверкнули в темноте.

— Девчонка совсем не имеет сил, — продолжила она, покачивая головой. — Я не понимаю, как Дэмиан согласился на этот союз.

Отсутствие сияния в глазах принцессы расставило всё по своим местам. В мире магии не иметь дара — это трагедия. Это быть слепой среди зрячих, глухой среди слышащих, мёртвой среди живых.

— И что теперь? — спросила я, чувствуя, как внутри разрастается тревога. — Они поженятся? У них будут дети?

Марета усмехнулась, и из её рук поплыл зелёный дым.

— Всё устроено немного иначе, — сказала она, в её голосе послышалась мудрость веков. — Ребёнок — это плод любви. Их брак — ничто иное как политический ход. Союз, который принесёт выгоду одной лишь королеве. Я не понимаю, как она уговорила короля на это. Просто ума не приложу. Он никого не слушает.

Она говорила с такой искренней болью, словно речь шла о её собственном браке, и я почувствовала, как между нами возникает что-то большее, чем простая дружба. Она доверяла мне. Хотя знала меня всего ничего.

— Однако если в их фальшивом браке зародится любовь... — она взглянула на меня, и в её глазах мелькнула странная искра. — Возможно, появится и ребёнок. Если её нежное тело выдержит магические силы короля.

Она замолчала, и я почувствовала, как её слова повисли в воздухе, тяжёлые и значимые.

— Видишь ли, любовь в нашем мире имеет особое значение, — сказала она, и моё сердце пропустило удар. В нашем мире. Она знает. Она знает, что я самозванка. Но я не стала перебивать её, не стала спрашивать. Я просто слушала.

— Во время акта любви между мужчиной и женщиной часть их сил перетекает от тела к телу, — продолжила она, и её голос стал ниже, почти интимным. — Изначально магией владели исключительно женщины. Но в результате... — она повела бровью, и в её улыбке мелькнуло что-то дьявольское — большой и страстной любви, мужчины получили силы от своих могущественных женщин.

Она сделала паузу, давая мне осознать услышанное, а затем заговорила снова:

— Самые сильные ведьмы могли родить мальчика и вложить в него часть своих сил. Такое бывает не часто. В основном мужская магия возникает только после брака, когда женщина добровольно отдаётся мужчине и вместе с тем отдаёт часть своей магии.

Она взмахнула рукой, и все бутоны вокруг нас мгновенно распустились, превратив балкон в цветущий оазис. Воздух наполнился сладким, пряным ароматом, и у меня закружилась голова.

— Поэтому отсутствие дара у Каллисты настораживает, — сказала она, и в её голосе послышалась тревога. — Король не получит ничего от их брака. Но эта связь может убить маленькую хрупкую принцессу.

Она посмотрела на меня, и в её глазах я увидела всё: страх, предупреждение, сострадание.

Я кивнула, чувствуя, как её слова оседают в моей душе тяжёлыми камнями. Мне было о чём подумать.

Мы вернулись в зал, и я чувствовала себя так, словно шла по тонкому льду. Марета вела меня сквозь толпу, и я заметила, как гости расступаются перед ней, как их взгляды скользят по ней с уважением и лёгким страхом.

Мы подошли к королю и принцессе. Воздух вокруг них был плотным, напряжённым. Каллиста стояла рядом с Дэмианом, и её маленькая рука дрожала в его ладони. Она выглядела потерянной и напуганной, как зверёк, застигнутый врасплох.

Мы легко склонили головы. Грудь рыжеволосой дьяволицы всколыхнулась, и я видела, как взгляд принцессы мгновенно метнулся вниз, а щёки её залились краской смущения.

— Поздравляем с помолвкой, мой король, — ласково произнесла Марета, и в её голосе зазвенели тысячи сладких нот.

— Рады приветствовать вас, Каллиста, — замешкавшись, встала я и подняла глаза на короля. Наши взгляды встретились, и я увидела, как его янтарные глаза снова заволокло голубой пеленой. Что-то не так. Что-то определённо не так. По моим венам прокатилась волна магии, давая понять: здесь скрыты чары. Запутанные, древние, опасные.

Из-за трона вышел Шут. Он двигался бесшумно, как тень, я почувствовала его присутствие раньше, чем увидела.

— Очаровательная принцесса, — произнёс он, и его голос обволакивал, как шёлк. Он провёл рукой по её талии — едва заметное, почти невесомое прикосновение, — и я увидела, как девушка вздрогнула. Он спустился вниз и, проходя мимо меня, взглянул мне в глаза.

То же сияние. Голубое, пронзительное, как ледяное пламя.

Это запутывало ещё сильнее.

— Лорд Хартвин предупредил о вашем появлении, — прошипела королева. Я вздрогнула и обернулась. Она стояла за моей спиной в сопровождении молодого стражника, и её глаза — холодные, стальные — впились в меня, как иглы.

— Вы должны сконструировать северную часть замка, — продолжила она, и в её голосе слышалось ледяное презрение. — С нетерпением ждём результата.

От этой женщины стыла кровь. Её взгляд был тяжёлым, давящим, и я чувствовала, как её магия — тёмная, липкая — пытается проникнуть в меня.

— Постараюсь вас не разочаровать, — ответила я, и мой голос прозвучал твёрже, чем я ожидала.

Уйти хотелось прямо сейчас. Сегодня же, сию секунду, бежать из этого зала, из этого замка, из этого мира. Но я не могла. Я должна была остаться.

Марета, словно чувствуя напряжение между нами, мягко коснулась моего локтя.

— Пора заглянуть в твою комнату, цветочек, — сказала

она, и её голос был тёплым и успокаивающим, как огонь в зимнюю ночь.

Она повела меня прочь, и я чувствовала на себе взгляды сотен глаз. Но особенно — один. Горячий, янтарный, затуманенный. Взгляд короля, который, казалось, видел меня насквозь.

Мы поднялись по лестнице, и, когда я переступила порог своей комнаты и закрыла дверь, я наконец выдохнула. В груди колотилось сердце, в ушах шумела кровь.

— Спасибо, — выдохнула я, глядя на Марету, которая опустилась в кресло, словно хозяйка, и смотрела на меня с лёгкой улыбкой.

— Он знает, — сказала я.

— Кто? — она наклонила голову.

— Король. Он знает, что я не та, за кого себя выдаю.

Марета промолчала. В её глазах мелькнула тень, и она отвела взгляд.

— В этом замке все знают больше, чем говорят, цветочек, — ответила она, и в её голосе послышалась странная, горькая нотка. — Но это не значит, что ты в опасности. Пока что.

Я села напротив неё, чувствуя, как усталость разливается по телу.

— Расскажи мне о шуте, — попросила я, и в моём голосе послышалась мольба.

Марета замерла. Её лицо стало непроницаемым, словно каменная маска.

— О нём лучше не спрашивать, — ответила она, и я увидела, как её пальцы сжались в кулак. — Он... сложный.

— Я видела вас, — сказала я, и в моём голосе послышался вызов. — Прошлой ночью. На мосту.

Тишина повисла в комнате, густая и тягучая. Марета смотрела на меня своими зелёными глазами, и в них я видела страх. Настоящий, живой страх.

— Ты ничего не видела, — сказала она, и её голос прозвучал резко, как удар хлыста. — Забудь об этом.

Она поднялась и направилась к двери.

— Завтра я покажу тебе то, что ты должна увидеть, — сказала она, не оборачиваясь. — То, что поможет тебе понять, зачем ты здесь.

Дверь закрылась, и я осталась одна. С вопросами, на которые у меня не было ответов. И с чувством, что я стою на пороге чего-то огромного, тёмного и опасного.

Тайны Каменных Ворот только начинали открываться мне. И я боялась того, что узнаю.

Глава 7

Ночь не принесла мне покоя. Я лежала в темноте, уставившись в каменный потолок, мысли кружились в бесконечном хороводе, не давая сомкнуть глаз. Слова Мареты впились в сознание, как заноза, и я не могла избавиться от них. Магия перетекает от партнёра к партнёру. Всё это переворачивало моё понимание мира. Если я здесь — значит, я тоже часть этой системы. Значит, моя магия, которую я всегда считала проклятием, здесь имеет ценность.

Я чувствовала, как это место подпитывает меня. С каждым днём магия в моей крови становилась сильнее, ярче, словно Каменные Ворота питали меня своей древней силой. Я чувствовала связь — тонкую, едва уловимую, но неразрывную — между мной, королём и тем загадочным шутом, который появлялся из ниоткуда и исчезал в пустоте. Это было похоже на нити, натянутые между нами, невидимые для других, но такие реальные для меня.

Я провалилась в беспокойный сон под утро, в нём мне снились стены, которые шептали моё имя, и чьи-то горячие руки, тянущиеся ко мне сквозь туман. Я проснулась от того, что кто-то смотрел на меня — тяжело, настойчиво, неотрывно.

Я открыла глаза и замерла.

В кресле напротив моей кровати сидел шут. Он развалил-

ся с ленивой грацией хищника, закинув ногу на ногу, и смотрел на меня с откровенной насмешкой. Его тёмные глаза блеснули в полумраке комнаты, и на губах играла та самая дьявольская улыбка, которая могла свести с ума кого угодно.

— О боже, милашка, — протянул он, не сводя с меня глаз.
— Перестань уже меня так пугаться.

Я рывком села на кровати, инстинктивно натянув одеяло до самого подбородка. Сердце колотилось где-то в горле, а по телу пробежала горячая волна — смесь страха и злости.

— Думал познакомиться с тобой чуть позже, — продолжил он, будто это было обычное утро и он не ворвался в комнату спящей женщины. — Но времени нет. Итак, давай сразу к делу.

— С ума сошёл? — выплюнула я, чувствуя, как щёки заливают багровый румянец. — Неприлично врываться в комнату леди, тем более когда она в negligé!

Мои пальцы начали гореть. Магия вскипела в крови, требуя выхода, и я едва сдерживала её, чувствуя, как кончики пальцев пульсируют огнём. Ещё немного — и я подпалю его наглую физиономию.

— С ТОБОЙ ВООБЩЕ ВСЕ В ПОРЯДКЕ? — взорвался воздух между нами.

Я не успела моргнуть, как между мной и шутот материализовалась Марета. Её рыжие волосы взметнулись, словно от порыва ветра, а зелёные глаза горели таким яростным пламенем, что я невольно поёжилась.

— Моя комната — не проходной двор! Дверь для вас ничего не значит? — я прошипела, взглянув на появившуюся пару .

— О, двери здесь условны, — усмехнулся мужчина, и в его голосе послышалась такая лёгкая, почти беззаботная насмешка.

— Даен, она ещё не готова к тому, что ты собираешься на неё вывалить, — сказала она, и её глаза вспыхнули, сверкнув изумрудным огнём. — Тем более утром в постели.

— Мы уже опаздываем , — отрезал он, и в его голосе впервые послышалась твёрдость. — Я могу дать вам немного времени на сборы.

Он не стал ждать ответа. Просто исчез — растворился в воздухе, оставив после себя лишь едва заметное мерцание.

— Вот же придурок! — выплюнула Марета ему в след, и я услышала, как она скрипнула зубами. — Прости, цветочек. Он... у него нет чувства такта.

— Что происходит? — спросила я, чувствуя, как внутри всё дрожит. — Объясни мне, Марета. Пожалуйста.

Она перевела на меня взгляд, и в нём мелькнула тень сомнения, смешанного с решимостью.

— Алетейя, — сказала она, и голос её стал тише, серьезнее. — Он прав. Времени совсем нет. Собирайся. Нам пора.

Она не сказала куда. Но в её глазах я увидела ответы, которые искала. Или, по крайней мере, надежду на них.

Я не имела выбора. Поэтому, кивнув, я выскользнула

из кровати и направилась в ванную. Холодная вода смыла остатки сна, но не прогнала тревогу. Я натянула на себя плотные брюки и струящуюся рубашку — простую и удобную. Как же хорошо было в такой одежде после всех этих вычурных, откровенных платьев, которые выставляли меня напоказ! Я чувствовала себя самой собой .

Когда я вышла, Марета ждала меня у двери. Её лицо было сосредоточенным, в руках она сжимала небольшой мешочек, который тихо звенел.

— Я ведь обещала тебе показать кое-что, — сказала она, и в её голосе послышалась загадочная нотка. — Время пришло.

Она взяла меня за руку, и я почувствовала, как её пальцы сжали мои ладонь — холодные, но такие уверенные. А затем мир вокруг нас качнулся, сжался, и растворился.

Мы падали сквозь пространство. Ветер свистел в ушах, цвета смешивались в единый водоворот, и я зажмурилась, чувствуя, как магия пронизывает каждую клетку моего тела. Это было похоже на прыжок в бездну — страшно, головокружительно, но в то же время до безумия прекрасно.

Когда я открыла глаза, мы стояли в совершенно другом месте. Воздух здесь был густым и влажным, пахло землёй, сырым камнем и чем-то древним, почти забытым. Свет проникал откуда-то сверху, я подняла голову, чтобы увидеть.

Мы стояли в центре огромного подземного зала. Его стены уходили вверх, теряясь в темноте, и были покрыты

древними символами, которые мерцали голубоватым светом. В центре зала покоился огромный кристалл — прозрачный, как слеза, но с глубизной, в которой, казалось, застыли целые миры, гладкое зеркало, но без отражения, закованное в каменную раму.

— Добро пожаловать в сердце Каменных Ворот, — произнесла Марета, и её голос эхом разнёсся по залу. — Место, где начинается и заканчивается вся магия этого мира.

Она повернулась ко мне, и в её глазах я увидела нечто такое, от чего у меня перехватило дыхание.

— Здесь ты узнаешь правду о себе, Алетейя. О том, кем ты была до того, как стала собой.

Она говорила загадками, а я чувствовала, как внутри разливается холодный ужас. Но вместе с ним — жгучее любопытство, которое было сильнее страха.

— Что ты хочешь мне показать? — мой голос прозвучал тихо, почти шёпотом.

Марета подошла к кристаллу и положила на него ладонь. Символы на стенах засветились ярче, и воздух вокруг нас наполнился низким, вибрирующим гулом.

— Правду, — ответила она.

В этот момент из полумрака появился Даен. Его появление отразилось от стен, и тени заметались, словно испуганные звери. Он вышел бесшумно, как призрак, воздух стал плотнее, тяжелее. В руках он держал свёрток — старый, выцветший и перевязанный кожаным шнурком.

Он молча протянул его мне. Я взяла сверток, чувствуя, как пальцы дрожат от предчувствия. Развязала шнурок, развернула плотную ткань — и замерла.

Передо мной лежало изображение. Тех самых трёх ведьм с фресок в галерее, но теперь я видела их иначе. В их руках были зеркала — маленькие, изящные, с сияющей гладью, которая переливалась всеми оттенками голубого. Они были точными копиями кристалла, который возвышался передо мной, но миниатюрными, почти игрушечными.

— Женщины, которые однажды сотворили это место и возвели вокруг него этот замок, — сказал Даен, и его голос эхом разнёсся по залу. — Их магия защищает нас всех на протяжении нескольких веков. Древняя магия, неподвластная никому из нас.

Он сделал паузу и хитро сощурился, глядя на меня.

— Кроме тебя.

Я удивлённо раскрыла глаза, чувствуя, как внутри всё сжимается.

— Что ты имеешь в виду?

— Видишь ли, — он начал медленно, словно смакуя каждое слово, — эти три женщины, сами того не понимая, загнали нас в ловушку. Они наложили чары, которые не в силах снять никто другой. А затем исчезли. Однажды, когда им сулила опасность, они решили покинуть нас, чтобы древняя магия не досталась в полной силе никому. Избавляя людей от этой искушающей, разрушительной силы. Они ушли

в разных направлениях. И когда пришло время вернуться... одна из них осталась в своём мире.

Он взглянул мне в глаза, и я почувствовала, как его слова пронзают меня насквозь.

Я изогнула бровь, пытаюсь сохранить спокойствие.

— Не надо смотреть так. Меня здесь не было.

Наблюдающая со стороны Марета тихо рассмеялась — мелодично, с лёгкой насмешкой.

— Конечно, не ты, цветочек, — сказала она, и в её голосе послышалась тёплая ирония. — Твоя мать. Или ты думала, тебя просто так сюда занесло?

Я удивлённо выдохнула, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

— С чего ты взяла, что моя мать связана с этим? — спросила я, обводя пальцем пространство вокруг себя.

Марета подошла к кристаллу и коснулась его кончиками пальцев. Зеркальная гладь дрогнула, зарябила, и в ней начали проступать лица. Три женщины. Три ведьмы, чьи изображения я видела в галерее, но теперь они были живыми — дышащими, смотрящими на меня с глубины веков.

Я узнала её мгновенно. Мою мать. Её холодные серые глаза смотрели на меня с той же любовью и печалью, которые я помнила с детства. Её светлые волосы струились по плечам, в её облике было столько силы.

Рядом с ней стояла другая женщина — с ледяными голубыми глазами и белой, почти прозрачной кожей. Она каза-

лась статуей, высеченной из северного льда, и от неё веяло такой же холодной, непостижимой мощью.

И третья. Её янтарные глаза смотрели на меня с высоты, и я вдруг поняла — они были точь-в-точь как у короля. Та же глубина, тот же скрытый огонь.

— Мать Дэмиана, — прошептала я, и слова сами сорвались с губ.

Даен кивнул.

— Королева-мать. Она была одной из них. Самой сильной. Самой мудрой. И самой трагичной.

Я смотрела на три лица, и в голове всё смешивалось в один сплошной водоворот.

— И чего вы хотите от меня? — спросила я, и мой голос прозвучал глухо, почти безжизненно.

— Видишь ли, — сказал Даен, приближаясь, — зеркала, которыми владели ведьмы — это могущественные артефакты. Соединившись вместе, они снимают любые чары. Любые, даже самые древние.

— Я никогда не видела этих зеркал, — ответила я, качая головой. — Я всё ещё не...

Марета не дала мне договорить. Она шагнула вперёд, и её зелёные глаза вспыхнули.

— Конечно, ты не видела. Эти зеркала остались здесь. Но загвоздка в том, — она прикусила губу, и я увидела, как она колеблется, — завладеть артефактом и заставить его работать может только обладатель древних чар.

— Три ведьмы, — я взглянула в пустоту, чувствуя, как всё встаёт на свои места.

— Или их прямые потомки, — добавил Даен. — Лишь две из ведьм решили продолжить свой род.

— Я и... король Дэмиан, — выдохнула я, и слова повисли в воздухе, тяжелые и неизбежные.

— Верно, — отозвался Даен. — Но с ним возникли... проблемы.

Я перевела взгляд на Марету, чувствуя, как внутри нарастает жгучее любопытство.

— Я всё ещё не понимаю, как я здесь оказалась.

Даен вздохнул, и в его взгляде мелькнула усталость.

— Что тут непонятного? Мы позвали тебя. Мы могли только пригласить, а прийти или нет — это уже твоё желание. — он пожал плечами. — Ну и нам оставалось только ждать.

Голова кружилась от полученной информации. Она впивалась в сознание, как тысячи игл, я пыталась удержать её, собрать воедино, но она ускользала, рассыпалась на мелкие осколки.

— Вы хотите, чтобы я собрала все артефакты, — медленно проговорила я. — Для чего?

— Нам нужно снять одно заклятье, — сказал Даен, и его голос стал серьёзным, почти мрачным. — И сделать это нужно как можно быстрее.

— Вы ведь говорите о короле? — спросила я, глядя на них.

Марета печально посмотрела в зеркало, где всё ещё красовался портрет матери короля, и я увидела, как её пальцы дрогнули.

— Верно, цветочек, — ответила она, и в её голосе послышалась такая глубокая, старая боль, что у меня сжалось сердце.

— Но не только, — добавил Даен, и его глаза потемнели. — Его заклятье — лишь часть головоломки. Если мы не остановим всё это, магия Каменных Ворот погаснет навсегда. И вместе с ней — весь этот мир.

Я молчала, переваривая услышанное. А затем Даен неожиданно улыбнулся — широко, почти беззаботно, и в его глазах заплясали озорные искры.

— Все останутся в плюсе, — бодро начал он. — Ты снимешь заклинание, а потом, соединив все части, сможешь вернуться домой. Мир спасён, все счастливы, и вокруг царит покой.

Он соорудил из пальцев магические фейерверки — маленькие разноцветные искры, которые взметнулись вверх и рассыпались, как конфетти. Но я видела, что за этой напускной весёлостью скрывается напряжение. Он боялся. Они оба боялись.

— Так... — я обвела взглядом зал, кристалл, их лица. — Где искать эти зеркала?

Марета и Даен переглянулись, я увидела, как между ними пробежала безмолвная искра.

— Они спрятаны, — сказал Даен, и его голос стал тише.

— В разных местах .

Глава 8

Голова гудела, словно внутри меня поселился целый улей, и каждая мысль отдавалась глухой, пульсирующей болью. Осознание того, как ловко меня провели, впивалось под кожу острой занозой. Пока я старательно играла роль приглашённого архитектора, изображала деловую леди, строила из себя важную персону, они просто подыгрывали мне. Все — Марета, Даен, лорд Хартвин, даже сам король — с самого начала знали, кто я такая. Знали, зачем я здесь. И молчали. Наблюдали за моими потугами с лёгкой усмешкой, пока я, наивная дурочка, ходила по замку с блокнотом и искренне верила, что обманываю их всех.

Я перевела взгляд на чертежи, разбросанные по столу. Аккуратные линии, выверенные пропорции, тщательные расчёты — я вкладывала в них всё своё умение, всю свою душу. Конечно, я не собиралась оставаться здесь навсегда и строить другую часть замка, но я предполагала, что мне придётся работать — настоящей, честной работой, где есть смысл и цель. Но не такой. Не этой.

Я вскочила с кровати и начала ходить по комнате. Вперед, назад — я металась из угла в угол, как загнанный зверь в тесной клетке. В груди разрастался тяжёлый ком, мешавший дышать, сдавливающий горло. Я пыталась сделать глубокий вдох, но воздух казался вязким, спёртым, он не хотел вхо-

дить в лёгкие. Я сжимала и разжимала кулаки, чувствуя, как магия пульсирует в кончиках пальцев, требуя выхода, требуя свободы. Держать себя в руках становилось всё труднее.

В конце концов я просто рухнула на кровать, уткнулась лицом в подушку и дала волю слезам. Они полились горячим потоком, обжигая щёки, и я не пыталась их сдерживать. Всё, что копилось внутри — страх, злость, обида, унижение, растерянность — вырывалось наружу вместе с ними. Я рыдала, вздрагивая плечами, чувствуя, как подушка впитывает мою боль, как с каждым всхлипом становится немного легче.

Из моих пальцев сами собой поплыли огоньки. Маленькие, золотистые, они взбирались по рукам к запястьям, ласкали кожу, согревали, словно пытались успокоить, обнять, сказать, что я не одна. Я смотрела на них сквозь пелену слёз и чувствовала, как они забирают часть боли, как разжижают тот самый ком, что давил на грудь. Они были моими. Частью меня. И в этот момент я поняла, что даже в этом чужом, враждебном мире моя магия остаётся моей.

Чертов шут. Чертов Марета. Чертов король. Чертов замок. Чёртово всё это!

Конечно, я была им нужна. Голубое свечение в глазах выдавало их с головой — они были загнаны в ловушку, и они сделали всё, чтобы загнать в неё меня. И у них получилось. Я теперь здесь, я часть их игры, и я вынуждена им помогать. Но почему было просто не сказать правду с самого начала? Зачем было устраивать этот дурацкий спектакль с приёмами,

фальшивыми улыбками, вычурными платьями, бесконечными ужинами и пустыми разговорами? Зачем играть со мной, как с безвольной куклой?

Я перевернулась на спину и уставилась в потолок. Слезы высохли, оставив лишь солёный привкус на губах и тягучую усталость во всём теле. Комната медленно погружалась в полумрак — солнце уходило за горизонт, и тени становились длиннее, гуще. Я чувствовала, как кровать принимает моё тело, как мягкое одеяло окутывает теплом, защищая от всего мира. Сознание начало плыть, отключаться, убегая от реальности, которая обрушилась на мои плечи. Я закрыла глаза и провалилась в сон — глухой, чёрный, без сновидений. Только тишина и покой.

Тишину разорвал голос — чужой, но уже до боли знакомый. Он ворвался в мою дрёму, как нож разрезает плотную ткань.

— Вообще записи довольно точные, — раздался мужской голос, и я сразу узнала его. Даен.

Я не сразу поняла, что происходит, где я и кто здесь. Сонное сознание цеплялось за остатки забытья, но голос вырвал меня из объятий дрёмы, заставив сердце биться быстрее.

— Нельзя просто так копаться в чужих вещах, — ответил женский голос. Ленивый, с ноткой раздражения. Марета.

— Сама посмотри, — он пихнул ей лист бумаги чуть ли не в лицо. Я краем глаза видела его силуэт, склонившийся над моим столом, перебирающий мои чертежи, и от этого

зрелища внутри закипала злость.

— Я и так знаю все комнаты и потайные ходы этого места,
— цокнула она языком.

— Ты себе льстишь, — усмехнулся он. — Потайные ходы постоянно меняют своё направление. Даже ты не можешь уследить за ними.

Я чувствовала, как внутри закипает гнев, поднимается откуда-то из глубины, застилая глаза красной пеленой. Моя комната. Моя кровать. Мои вещи. И они снова здесь, снова врываются без стука, снова делают вид, что им всё позволено. Сколько можно?

Я не стала открывать глаза сразу. Меня жутко бесило, что в моей спальне гости даже когда я сплю. Я слышала каждый звук, каждый шорох, каждое их движение.

— Что вы тут забыли? — сказала я сквозь зубы, не отрывая головы от подушки. Голос прозвучал глухо, но достаточно громко, чтобы они услышали.

— Цветочек, — начала Марета, и в её голосе послышалась та самая неестественная бодрость, от которой у меня сводило скулы, — твой выход.

— Сегодня ты должна провести вечер с королём, — бросил Даен, продолжая перебирать мои чертежи.

Я приподнялась на локтях, чувствуя, как волосы растрепались и лезут в глаза. Вид у меня был, наверное, тот ещё — помятый, заспанный, злой.

— Я же говорила, что женщине нельзя пихать информа-

цию в лоб, — с укором произнесла Марета, уставившись на Даена.

— А как мне ещё сказать? — они испытывали друг друга взглядами, и между ними искрило напряжение, словно электрические разряды.

Я устало выдохнула, провела ладонью по лицу, стирая остатки сна и разгоняя туман в голове.

— Хорошо, — сказала я, и голос мой прозвучал ровнее, чем я ожидала. — Что мне нужно делать?

Спорить с ними и выяснять отношения совсем не хотелось. Я была слишком уставшей, слишком вымотанной, чтобы тратить энергию на бесполезные ссоры. Они хотели, чтобы я пошла к королю — значит, я пойду. Они хотели, чтобы я сыграла свою роль — я сыграю. Но на своих условиях.

Глава 9

— Король знает, кто я такая, — произнесла я, и слова повисли в воздухе, тяжёлые, как камни, сорвавшиеся с обрыва. Я смотрела на них в упор, в моём голосе не было сомнений — только холодная, острая уверенность. Я хотела видеть их реакцию.

Марета и Даен переглянулись. В их взглядах мелькнуло что-то — то ли замешательство, то ли сожаление, то ли насмешка над моей наивностью.

— На самом деле не знает, — ответила Марета, и в её голосе послышалась странная, почти извиняющаяся нотка. Она избегала моего взгляда, и это было красноречивее любых слов.

— В том-то и дело, — подхватил Даен, на его губах заиграла та самая наглая, хищная улыбка, от которой у меня сводило скулы. Его глаза блеснули в полумраке, и я снова увидела ту голубую искру, которая появлялась в самые опасные моменты. — Для него ты — новинка. Довольно умная, чертовски привлекательная. Учитывая, что принцесса его совсем не интересуется, ты имеешь все шансы завоевать его внимание. Довольно быстро, если знать, как подойти.

Я почувствовала, как внутри поднимается волна гнева — горячая, липкая, она застилала глаза, мешала дышать. Они снова играли со мной, снова использовали меня как пешку

в своей партии, даже не спросив, хочу ли я вообще быть на этой доске.

— Как это сделать — решай сама, — продолжил он, и в его голосе послышалась сталь, холодная и острая, как лезвие ножа. — Но нам нужно зеркало. Насколько нам известно, он не носит его с собой, но хранит где-то в своих покоях.

Я возмущённо уставилась на них, чувствуя, как внутри закипает протест. Они хотят, чтобы я украла у него что-то настолько личное? Чтобы я предала его доверие, которого он ещё даже не успел мне подарить? В груди разрастался холодный ком, сдавливающий горло.

— Тебе не обязательно с ним спать, — хищно улыбнулась Марета, в её зелёных глазах мелькнула озорная, почти дьявольская искра. — Может, вы просто пожелаете выпить чаю?

Я изогнула бровь, глядя на неё в упор, чувствуя, как внутри закипает раздражение.

— А если он не захочет пить со мной чай?

— Значит, сделай так, чтобы захотел, — процедил Даен, его глаза засияли тем самым голубым светом, который я уже научилась узнавать. Он сверкнул на мгновение, осветив комнату призрачным сиянием, и тут же погас, оставив после себя лишь холодный отблеск. Но никто из них не подал виду — никто, кроме меня.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри разрастается тревога, как она ворочается в груди, пуская холодные корни. Что же связывает их всех? Что за тайна скрывается за этим

голубым светом, который просачивается сквозь их маски.

— Как мне узнать, где лежит зеркало? — спросила я, пытаясь взять себя в руки, унять дрожь в пальцах. — Я не хочу идти в слепую.

Марета подошла ко мне, её пальцы скользнули по моей щеке — лёгкое, почти невесомое прикосновение, от которого по коже пробежал электрический разряд. Её прикосновение было холодным.

— Ты почувствуешь, — прошептала она, и в её голосе послышалась странная, пугающая уверенность. — Доверься своему нутру, цветочек. Оно знает больше, чем твоя голова.

— Почему ты не можешь пойти? — спросила я, чувствуя, как внутри закипает раздражение. — Я думаю, он не откажется выпить с тобой чаю.

Марета отступила на шаг, я заметила, как её лицо на мгновение омрачилось, словно за ним скрывалась старая, незаживающая рана. Тени под её глазами стали глубже, и я впервые увидела в ней не просто озорную подругу, а женщину с тяжёлым прошлым.

— Видишь ли, Алетейя, — сказала она, и в её голосе впервые послышалась усталость, — наша история с королём слишком долгая. И не слишком радостная. Некоторые связи оставляют шрамы, которые не заживают даже спустя годы.

Она явно не хотела говорить об этом, а я не стала настаивать. Но внутри меня засело сомнение, колючее и тревожное, как заноза под кожей.

— Лишнего не болтать, — приказным тоном начал перечислять Даен. — На глаза королеве не попадаться. Принцессе тоже. Лучше вообще никому на глаза не попадаться. Ты должна быть тенью, Алетейя.

Он посмотрел в окно, и я заметила, как его лицо напряглось, словно он слышал что-то, недоступное моим ушам — далёкий зов, шепот ветра, предупреждение.

— А теперь собирайтесь, девочки, — сказал он, и в его голосе послышалась спешка. — Он будет на мосту через десять минут.

Он растворился в тени — просто исчез, оставив после себя лишь лёгкий, почти неуловимый запах озона и мерцание, которое медленно угасало. Тени в углах зашевелились, словно провожая его, и я почувствовала, как воздух вокруг меня становится плотнее.

— Значит, нужно сделать тебя приманкой для короля, — протянула Марета, смакуя слова, словно пробуя их на вкус, обходя меня вокруг, словно я была экспонатом в музее. Её взгляд скользил по моей фигуре, оценивая, прикидывая.

— Нужно что-то скромное, но пикантное, — сказала она, и в её голосе послышалась деловая, почти режиссёрская нотка. — Ты должна понимать: весь секрет не в том, как ты будешь выглядеть, а в том, что ты будешь говорить. Король не глупый мальчишка, ему всё равно на эту бутафорию. Он читает души, цветочек. Он чувствует фальшь за версту.

Она снова оглядела меня, словно художник, выбирающий

полотно.

— Для начала — быстрая ванна с травами. Иди, — она толкнула меня в сторону ванной, и я почувствовала, как её ладонь обжигает мою кожу.

Пока я возвращала себе бодрость в тёплой, душистой воде, она сидела в кресле напротив, в моей комнате, я чувствовала на себе её взгляд — тяжёлый, изучающий.

— Как я сюда попала? — спросила я, нарушая тишину, и мой голос эхом отразился от каменных стен.

— Мы же сказали, — ответила она, и её голос доносился из комнаты, где она зачем-то переставляла мои вещи. — Мы позвали тебя. Замок отправил сигнал, ты пришла. Не могу сказать, как это работает точно. Это магия, которая выше нашего понимания. Мы лишь её проводники, цветочек.

— Получается, если я оказалась в тронном зале, значит, путь обратно там же? — я натирала кожу ароматическим маслом, пытаюсь смыть с себя тревогу, но она въелась глубже.

— Нет, — ответила она, и в её голосе послышалась грустная нотка. — Это ведь не портал. Замок сконцентрировал энергию в месте твоего присутствия и пропустил тебя сюда, как игла пронзает ткань. Обратно ты попадёшь только через коридор из зеркал, когда мы соединим их все вместе.

Мои надежды рухнули в бездну, оставив после себя только пустоту. Значит, мой план вернуться через стену в тронном зале был провальным. Я представила, как выглядела бы

со стороны, общупывая каменные стены в поисках выхода, внутри всё сжалось от острого стыда.

— Магия работает по своим законам, — продолжила Марета, и в её голосе послышалась странная, почти благоговейная нотка. — Мы лишь её подданные. Она оказала нам честь, даруя эти силы.

Вокруг ванной начали виться стебли — они возникли из ниоткуда, извиваясь в воздухе, словно змеи, привлечённые её голосом. Их кончики светились мягким зелёным светом, пульсировали в такт её дыханию, я смотрела на них, чувствуя, как магия пронизывает пространство, делая его живым, дышащим.

Я начала вытираться полотенцем, чувствуя себя неуверенно под её взглядом. Она смотрела на меня, и в её глазах я видела оценку, смешанную с заботой.

— Ты говорила, что проявлять свои силы неприлично, — сказала я, выходя к ней в комнату. — Но вы с Даеном всё равно это делаете.

— Да, — ответила она, и в её голосе послышалась лёгкая усмешка. — Но мы делаем это не на публике. Мы не показываем всё, что умеем, не играем в открытую. Это танец, цветочек. Танец, где каждый шаг должен быть выверен. Все, — она вздохнула, и в этом вздохе послышалась усталость, — Сейчас нужно поторопиться.

Она протянула мне платье — нежно-розовое, цвета закатного неба, когда солнце прощается с горизонтом. Оно пол-

ностью закрывало руки, шею и декольте, но от колен уходило в прозрачный оранжевый шифон, касаясь земли. Спина же была полностью открыта — смелый, дразнящий контраст, который обещал больше, чем показывал.

Я надела его, чувствуя, как ткань струится по телу, как прозрачный шлейф обволакивает ноги, как ветер касается обнажённой спины, рождая мурашки. Марета выдохнула, глядя на меня, и я увидела в её глазах искреннее восхищение.

— Ну вот, — прошептала она, — Ты восхитительна, словно сам закат. Словно миг между днём и ночью, когда мир затаивает дыхание.

Она взъерошила мои короткие кудряшки, провела пальцами по щекам, и я почувствовала, как лицо засияло румянцем — живым, горячим.

— Так-то лучше, — в её голосе послышалась уверенность. — Тебе пора.

Я совершенно не понимала, что от меня требуется. Не понимала, чего ждать от сегодняшнего вечера. И мне совсем не хотелось обманывать его. Перед моими глазами стояла фигура печального мужчины, грустно улыбающегося океану, и я чувствовала, как его одиночество проникает в моё сердце.

Я пошла на встречу, которую он совсем не планировал. Каменный мост встречал меня шумом волн — внизу океан бился о скалы в яростной агонии, вздымая брызги, которые сверкали в лучах заката как россыпи драгоценных камней.

Ветер играл с моими волосами, развеивал подол платья, и я чувствовала, как воздух наполнял легкие магией — древней, пульсирующей, живой.

Я увидела его сидящим у края обрыва. Он смотрел вдаль, в каждой линии его тела чувствовалась такая глубокая тоска, что у меня сжалось сердце. Он был похож на короля, потерявшего своё королевство, хотя корона всё ещё была на его голове.

— Я не помешаю? — спросила я, подходя ближе. Голос мой прозвучал тихо, почти робко — я боялась спугнуть этот миг.

Он обернулся, и его янтарные глаза встретились с моими. В них промелькнуло удивление, затем — что-то тёплое, похожее на узнавание. Он кивнул, и я опустилась рядом, чувствуя, как камень холодит кожу сквозь тонкую ткань.

— Вы снова здесь, Алетейя, — сказал он, и в его голосе послышалась тёплая улыбка.

— Не думала вас здесь встретить, — ответила я, и эта ложь обожгла губы.

— Волны не спокойны сегодня, — он кивнул в сторону океана. И действительно, внизу бушевала стихия — волны вздымались в белой ярости, разбиваясь о скалы, а их голос был похож на крик раненого зверя.

— Я не видела ничего прекраснее, — сказала я, поднимая лицо к закатному солнцу. Лучи золотили кожу, заставляя её светиться, я чувствовала, как тепло проникает в самую ду-

шу.

Он повернул голову и посмотрел на меня. Его взгляд был тёплым, внимательным, полным вопросов, которые он не решился спросить.

— Я тоже, — тихо ответил он, и я почувствовала, как эти два слова повисли в воздухе, полные скрытого смысла.

Мы проговорили несколько часов. Обо всём и ни о чём. Но разговор лился легко и свободно, словно мы были знакомы всю жизнь, словно наши души уже встречались где-то во сне. Он оказался скромным и забавным — таким, каким я не ожидала его увидеть. Он смеялся, его смех обволакивал и успокаивал. На это время печаль не касалась его красивого лица, я видела, как его глаза светятся живым, искренним огнём.

— Пойдём, — сказал он, и его голос дрогнул от волнения.

Он коснулся моей руки — лёгкое, почти робкое прикосновение — и тут же убрал её, словно испугавшись собственной смелости. Я сделала вид, что ничего не заметила, и последовала за ним, чувствуя, как его пальцы всё ещё горят на моей коже.

Мы молча шли по замку. Стены переливались перламутром, словно были живыми, и нашептывали древние тайны — голоса прошлого, которые я не могла разобрать, но чувствовала всеми фибрами души. Он вёл меня дорогой, которую я ещё не изучала — мимо помпезных залов с хрустальными люстрами, которые отбрасывали тысячи искр на стены, через

каменные пролёты, где эхо наших шагов уходило в бесконечность. В конце пути мы оказались в длинном тёмном коридоре, который едва освещали парящие в воздухе свечи. Они потрескивали при каждом нашем шаге, отбрасывая дрожащие тени на стены.

В конце возвышалась огромная резная дверь, обрамлённая в каменную рамку. Вокруг не было ни одного стражника.

— Королю не нужна охрана, — хихикнула я, и он улыбнулся в ответ, в его улыбке мелькнула мальчишеская гордость.

— Пойдём, — дверь открылась перед ним, словно повинаясь его воле.

Моему вниманию предстали настоящие королевские покои. Мы вошли в гостевую комнату, и я замерла на пороге. Здесь был хаос — в самом лучшем смысле этого слова. Посередине стоял старый, потёртый диван и кресла, рядом — гладкий деревянный столик, на котором лежала раскрытая книга. Вокруг, на полу, небрежно громоздились стопки книг, на стенах висели недописанные картины — мазки красок, которые так и не сложились в законченный образ. На столе рядом с недопитым напитком лежали кисти, испачканные в ярких цветах.

Он смущённо огляделся вокруг, словно впервые заметил этот беспорядок, и на его щеках проступил лёгкий румянец.

— Мой уголок, — в его голосе слышалась лёгкая неловкость. — Здесь я могу быть собой.

Я обошла комнату, провела пальцами по корешкам книг, заметила небрежно брошенный на диван пиджак и улыбнулась. Здесь было что-то настоящее, что-то живое, что контрастировало с вычурной роскошью остального замка.

— Я не позволяю заходить сюда лишний раз, — его голос стал серьёзнее. — Мне важно скрыться от всей этой фальши. Я чувствую, что тебе тоже это нужно.

Я выпустила из рук двух огненных птиц. Они вырвались из моих пальцев — золотистые, живые, сотканые из света и тепла. Затем запустила в комнату морской ветер, и он подхватил огненные перья, закружил их в вихре. Птицы вознеслись под потолок, расправив крылья, их огонь отразился в стенах, заставив комнату засиять. Они парили, кружились, играли с ветром, и наконец пикировали вниз, растворяясь у наших ног в облаке золотых искр.

— Должно быть, находиться в этом обществе постоянно — просто невыносимо, — я чувствовала как магия успокаивает меня, как её тепло разливается внутри.

— Так и есть, — Было похоже на благодарность. Он взял меня за руку — на этот раз уверенно, крепко — и отвёл к маленькому балкону.

— Ты говорила про смотровую площадку, — сказал он, и в его голосе послышалась загадочная, почти интимная нотка. — Но я бы не хотел делить эти виды с другими людьми.

Он посмотрел в небо, где первые звёзды уже начинали проступать сквозь багрянец заката, и провёл рукой по камен-

ной стене. Пол под нами начал дрожать, я вцепилась в его руку, чувствуя, как внутри разрастается благоговейный трепет. Он провёл другой рукой в воздухе — и стены задрожали. От балконных перил вверх поползли каменные ступени, одна за другой, полностью меняя облик замка. Они уходили ввысь, вытягиваясь в небольшую площадку, вокруг которой вырастали каменные перила, обвивающиеся вокруг, уходящие в высокие шпили. На их вершинах сидели птицы, высеченные из камня — те же, что я несколько минут назад сотворила из огня. Они словно застыли в вечном полёте, готовые сорваться вниз по первому зову.

— Это невероятно, — прошептала я, чувствуя, как дрожь пробегает по телу.

Он взял меня за руку и повёл вверх по лестнице. Я дотронулась кончиками пальцев до перил — они были нежными, гладкими, словно отполированными веками. Камень скользил по коже, тёплый и живой, я чувствовала, как магия пульсирует в нём, откликаясь на моё прикосновение.

Мы поднялись на площадку, перед нами открылся потрясающий вид. Океан раскинулся внизу, бесконечный и могущественный, его тёмные воды переливались багрянцем заката. Замок возвышался сзади, его шпили уходили в небо, и в их тени мерцали тысячи огней. Всё это было прекрасным — первозданным, настоящим, залитым последними лучами уходящего солнца.

Я затаила дыхание, боясь спугнуть этот миг.

— Это... это... — я не могла подобрать слов, они застревали в горле, как птицы в клетке.

— Потрясающе, — закончил он за меня, в его голосе слышалась улыбка.

— Да, — выдохнула я. — Абсолютно потрясающе.

Он казался мне таким нормальным. Таким обычным. Человеком, который просто хочет свободы. Он рассказывал о детстве — о том, как бегал по этим коридорам, прятался от наставников, мечтал увидеть мир за пределами замка. Он говорил о любимых местах, о простых вещах. Я говорила о том, как хотела бы жить, кем хотела бы стать. Время текло незаметно, и я чувствовала, как между нами возникает что-то хрупкое и настоящее.

Последние лучи заката уходили, оставляя небо в багряных и фиолетовых тонах. По моей спине пробежали мурашки от вечернего холода, я поёжилась, невольно прижимая руки к груди.

— Подожди здесь, — сказал он и исчез, оставив меня наедине с ветром и океаном.

Он вернулся через мгновение — накрыл мои плечи мягким пледом и всучил кружку с горячим напитком, от которого по телу разлилось приятное тепло. Про себя я усмехнулась — действительно, пьём чай.

Он встал позади меня, и я ощутила всю его мощь — он был высоким, сильным, и рядом с ним я казалась крошечной и беззащитной. Он обвил руками мою талию и уложил

голову на мою макушку, я чувствовала его дыхание в своих волосах. Ему тоже нужно было тепло, и я давала ему это .

— Ты не обычная девушка, — сказал он тихо, его голос вибрировал в моей спине. — Я не могу объяснить свои эмоции. Мы словно знакомы так давно. Ты не похожа на других. Тебе всё равно на мой статус, ты не опускаешь взгляд и говоришь со мной как с обычным человеком. Мне этого не хватало. Впервые я чувствую, что не один.

Одиночество. Его съедало одиночество, и он ухватился за возможность не быть одному. Готова ли я его обворовать? Мне нужно было помнить о своих целях, но они таяли в его объятиях, как снег на солнце. В небе уже засияли звёзды, сияя из тёмной бездны ночи, а их свет отражался в его глазах.

Мной двигало безрассудство. Всё, что было в ночи, здесь же и остаётся.

Я развернулась на носочках и притянула его к себе, чтобы подарить поцелуй. Или украсть поцелуй — я уже не понимала, кто кого завоевывает. Всего секунду я чувствовала, как он смутился, как его дыхание сбилось. А потом его сильные руки обхватили меня, прижав к каменной стене. Я чувствовала его горячее дыхание на своих губах, слышала, как его сердце бьётся быстрее , чувствовала напряжение мышц под его рубашкой. Это был особый момент — жаркий, импульсивный, полный магии, которая искрилась между нами, как электричество перед грозой.

Мы отстранились друг от друга, глядя на тёмную воду внизу. Ветер остывал, а я всё ещё чувствовала его тепло на своих губах. Я уже забыла, зачем пришла.

— Знаешь, — сказала я, закусывая губу и чувствуя, как дрожит голос, — я немного проголодалась.

Меня начало подташнивать от осознания того, что я делаю. Я уже не могла уйти просто так — не после того, что произошло.

Мы спустились в комнату.

— Подожди немного, — он исчез, оставив меня в тишине его убежища.

У меня было совсем мало времени. Сердце колотилось как бешеное, в ушах шумела кровь. Я начала осматривать пространство, чувствуя, как каждая секунда давит на плечи. Нужно успокоиться. Я выдохнула, закрыла глаза, чувствуя, как на губах всё ещё горит его поцелуй, как его запах — древесный и солёный — всё ещё окружает меня.

Ну же, Дэмиан, куда же мне идти?

В голове будто что-то щёлкнуло — древний механизм, который ждал своего часа. Я машинально прошла в соседнюю комнату. Спальня. Она была небольшой, но величественной — с балдахином из тёмного бархата, с мягким светом, струящимся откуда-то сверху. Каждая деталь здесь дышала теплом и жизнью. Я коснулась стены, и она отозвалась голубым сиянием — пульсирующим, тёплым, словно живое сердце. Зеркало рядом. Моя магия запела в унисон с ним.

Взгляд упал на шкатулку, стоявшую в глубине книжного шкафа, поддерживающую несколько старых фолиантов. Здесь. Точно здесь.

Я открыла шкатулку и увидела его. Зеркало. Маленькое, в бронзовой оправе, с гравировкой на обратной стороне — язык был мне незнаком, но символы пульсировали мягким, живым светом, словно дышали в такт моему сердцу. Я быстро засунула его под платье, оно обожгло кожу ледяным холодом.

Вернулась в гостиную и уселась на диван с чашкой в руках, стараясь унять дрожь в пальцах. В комнате появился он — в брюках и одной рубашке, с взъерошенными волосами, с мальчишеской улыбкой на лице. На его щеках проступали ямочки, он был таким живым, таким настоящим. В руках он держал поднос с булочками, пирожными и фруктами — всё свалено в кучу, на скорую руку.

— Всё, что успел стащить, пока меня никто не видел, — сказал он довольно ставя поднос на столик.

Какая же я дрянь.

— Спасибо, — сказала я, беря булочку и начиная жевать, думая лишь о том, что делаю то, чего не должна.

Он смотрел на меня, и в его взгляде было столько доверия, столько надежды, что у меня разрывалось сердце.

Мы провели ещё какое-то время вместе. Он рассказывал истории, смеялся, касался моей руки, я чувствовала, как между нами растёт что-то, что я не имела права разрушать. Я

смотрела на него, запоминала каждую деталь — как он улыбается, как жестикулирует, как его глаза загораются, когда он говорит о своих книгах. И внутри меня разрасталась боль, острая и холодная, от предательства, которое я совершала.

Наконец, когда глаза начали слипаться, я попросила отвести меня в мою комнату. Он проводил меня до дверей, его взгляд был тёплым, полным той надежды, которую я собиралась разбить.

Когда дверь за мной закрылась, я прислонилась к ней спиной, чувствуя, как внутри разрастается пустота.

В комнате меня уже ждали. Марета сидела в кресле, её глаза горели в темноте, как два изумруда. Даен стоял у окна, его силуэт вырисовывался на фоне ночного неба, чёрный и неподвижный, как статуя.

— Сработало, — в его голосе послышалось облегчение, смешанное с триумфом.

— Да, — мои слова словно доносились из глубины колодца. — Я принесла его.

Но внутри меня уже зарождалось что-то новое. Что-то, что не давало мне покоя. Я смотрела на зеркало, которое лежало в моей ладони, и думала о его глазах — янтарных, тёплых, полных боли и надежды. О его улыбке, которая была только моей. О том, как он обвинил меня руками, и как тепло разливалось в груди.

Я молча достала зеркало. Оно отозвалось теплом в моей ладони — пульсирующим, живым, словно билось в такт мо-

ему сердцу. Бронзовая оправа мерцала в тусклом свете, и я на мгновение задержала взгляд на его гладкой поверхности, где клубился туман. А затем я передала его в руки Даена.

Он принял зеркало молча, и его пальцы сомкнулись на оправе с почти благоговейной осторожностью. Он кивнул — коротко, без слов — и исчез в тени, растворился, как дым, оставив после себя лишь лёгкий холодок.

— Ну что там? — спросила Марета, её голос дрогнул. Она смотрела на меня в упор, вцепившись в кресло так, что костяшки побелели.

— Я сделала то, что должна была, — ответила я, пожимая плечами, голос мой прозвучал ровнее, чем я чувствовала себя. — Зеркало у вас.

Она выдохнула — долго, шумно, словно сдерживала дыхание весь вечер.

— Признаться честно, шанс того, что ты найдёшь зеркало сегодня, был очень мал, — она удивилась — Мы почти не надеялись. Как... как тебе удалось?

Я посмотрела на неё, и на моих губах промелькнула горькая усмешка.

— Мы пили чай, — я процедила, отводя взгляд.

Я начала освобождаться от платья, чувствуя, как ткань скользит по коже, как прохладный воздух касается обнажённых плеч.

— А теперь я хочу спать, — добавила, не глядя на неё.

Марета ещё несколько секунд смотрела на меня. Её глаза

изучали моё лицо, пытаясь прочесть то, что я не говорила. Но я молчала. Она вздохнула, и в её взгляде мелькнуло что-то — то ли понимание, то ли сожаление. А затем она исчезла вслед за женщиной, оставив после себя лишь едва заметное мерцание и запах трав.

Я осталась одна.